

Эпоха палеометалла в Приамурье: проблемы и перспективы исследований

Резюме. Для широкого круга исследователей эпоха палеометалла в бассейне Амура может представлять интерес в силу двух основных обстоятельств. Одно из них связано с ярко выраженной спецификой местных процессов овладения металлом: они начались здесь значительно позже, чем во многих других регионах Евразии, носили очень стремительный характер и были связаны с одновременным освоением сразу двух металлов: бронзы и железа. Изучение различных аспектов этой ситуации весьма ценно и с точки зрения реконструкции общей картины распространения металла в Евразии, и с точки зрения решения ряда сложных вопросов археологической теории. Второе обстоятельство связано с тем, что бассейн Амура традиционно считается зоной культурогенеза целой группы современных азиатских народов, начало которого, по мнению многих исследователей, уходит именно в эпоху освоения металла. К сожалению, изучение этих двух основных вопросов крайне затрудняется проблемами, существующими в сфере культурно-хронологической систематизации памятников. Поскольку последние обобщающие исследования данной проблематики проводились уже давно (Деревянко 1973, 1976), в статье дается обзор современного ее состояния и предлагаются некоторые подходы, перспективные, по мнению автора, для преодоления имеющихся трудностей. **Ключевые слова:** эпоха палеометалла, бронзовый век, ранний железный век, Приамурье, урильская культура, польцевская культура.

O. V. Yanshina. Early Metal Period in the Amur river basin: problems and perspectives of research. For a wide range of researchers the Early Metal epoch of the Amur basin is of interest due to two main factors. One of them is related to the brightly expressed specific of the local process of getting control over metals. This process started here much later than in many other parts of Eurasia, was very rapid in nature and associated with the simultaneous development of two metals: bronze and iron. The study of various aspects of this situation is very important for the reconstruction of the overall picture of the spread of metal in Eurasia, and from the point of view of some complex issues of archaeological theory. The second factor is related to the fact that the Amur basin is traditionally regarded as the area of genesis of a whole group of modern nations, which process is thought to go back exactly to the Early Metal epoch. Unfortunately, the study of these two issues is extremely complicated by the problems with cultural and chronological ordering of archaeological sites. Since the last synthetic studies of this problem were held for a long time ago (Деревянко 1973, 1976), this article reviews the current state of this subject and suggests some approaches to overcoming the existing difficulties.

Keywords: Early Metal Period, Bronze Age, Early Iron Age, Amur river basin, Uril culture, Poltse culture.

Начало археологических исследований в бассейне Амура относится к концу XIX в. С этого времени и вплоть до конца 50-х гг. XX вв. изучение древней истории этого региона велось усилиями отдельных историков, востоковедов, этнографов, краеведов и любителей, среди которых должны быть отмечены А. Я. Гуров, А. Н. Криштофович, С. М. Широкогоров, Л. Я. Штернберг, Г. С. Новиков-Даурский и многие другие (Деревянко 1973, 1976; Окладников, Деревянко 1973; Ключев 1993; Поляков 1993). В самом конце 1950-х гг. характер исследований резко изменился. Благодаря усилиям А. П. Окладникова в Приамурье были развернуты планомерные и полномасштабные археологические изыскания. Под его руководством сотрудниками Дальневосточной археологической экспедиции были открыты и раскопаны десятки археологических памятников, в результате чего произошел существенный прорыв в осмыслении древней истории этого региона. Строго говоря, именно тогда была заложена та концептуальная база, на основе которой амурские археологи работают до сих пор (Окладников, Деревянко 1973а; Деревянко 1973, 1976).

Особое внимание в исследованиях тех лет уделялось постнеолитической эпохе. Считалось, что именно в ней могут быть найдены местные истоки высокой культуры средневековых дальневосточных государств. Однако сразу же стало ясно, что события этой эпохи в бассейне Амура отличались исключительным своеобразием: археологам советской школы удалось выделить здесь неолит и ранний железный век, но вопрос о существовании века бронзового так и остался в их трудах без ответа, все выглядело таким образом, что на смену неолиту в Приамурье сразу приходит ранний железный век (Окладников 1963, 1964; Окладников и др. 1968; Деревянко 1969а, 1969б; Окладников, Деревянко 1971).

В те годы отсутствие памятников бронзового века объяснялось слабой изученностью региона, предполагалось, что их открытие — дело времени. На такую возможность указывали редкие находки бронзовых изделий восточно-сибирского облика (рис. 1; 2: 1, 3–6), некоторое сходство керамической посуды с посудой таежных культур эпохи бронзы Прибайкалья (рис. 2: 2), в какой-то степени шиферные изделия и прямоугольные в сечении топоры, получившие широкое распространение на Дальнем Востоке в культурах раннего железного века, сюда же можно добавить случайные находки каменных клинков с нервюрой (рис. 2: 7–9), происходящие с территории Приамурья. Однако, как выяснилось позднее, эти находки характерны именно для культур раннего железного века.

Сегодня вопрос о существовании бронзового века в Приамурье может быть понят лишь с позиций общедальневосточной специфики процессов освоения металла. Годы исследований показали, что в бассейне Японского моря первое появление бронзы по времени практически совпало с появлением железа, полноценные комплексы и культуры бронзового века до сих пор не выделены ни в Японии (Pearson et al. 1986; Imamura 1996), ни в Корее (Nelson 1993), ни в Приморье (Яншина 2004), ни на восточных окраинах северного Китая (Nelson 1995). В бассейне Амура ситуация, по-видимому, развивалась примерно так же, и вопрос о выделении здесь бронзового века может быть поставлен как вопрос выделении своего рода промежуточной эпохи, разделяющей комплексы неолита и раннего железного века и отражающей самое начало культурных трансформаций при переходе к эпохе металла. Однако обстоятельства такого

перехода в бассейне Амура все еще остаются не вполне понятными. Особенность Приамурья в том, что здесь в отличие, например, от Приморья или Кореи, практически не удается зафиксировать такую «промежуточную» эпоху, здесь известны либо памятники финального неолита, либо уже памятники раннего железного века.

Единственным исключением из этого правила оказывается коппинская культура, которую называют культурой переходного периода. Памятники, на основании которых она выделена (Голый Мыс-1, 5, Кольчем-2, 3, Малая Гавань и др.), локализованы на северо-востоке амурской долины (рис. 1) (Шевкомуд 2004, 2008а). Их отличительным признаком является керамическая посуда, отощенная дробленым моллюском и украшенная в приустьевой части сложными криволинейными узорами, выполненными оттисками шнура. Оба эти признака роднят коппинскую культуру с предшествующей вознесеновской. Отнесение коппинских памятников к переходному этапу основано на их промежуточном положении в хронологической и стратиграфической колонке региона, находки металла в них не известны (Шевкомуд, Кузьмин 2009: 26). В то же время отмечается, что факт трансформации их культурного комплекса по сравнению с неолитическим указывает на начало новых явлений в культуре местного населения. Подразумевается, что происходило это под влиянием металлоносных культур соседних регионов (Шевкомуд 2008а).

Стремление амурских археологов как-то конкретизировать процессы перехода от неолита к раннему железному веку вполне понятно, уж слишком резким и внезапным выглядит переход от каменного века к железному в Приамурье. Однако согласиться с выделением на базе памятников коппинской культуры переходного периода пока трудно. Во-первых, они занимают очень ограниченный участок северо-восточной окраины амурского бассейна и поэтому могут отражать события только этой узко очерченной зоны, а не всего Приамурья в целом. Во-вторых, остается открытым вопрос о том, что именно вызвало перемены в культурном комплексе вознесеновской культуры. Нельзя исключить, что это были обычные культурные трансформации, которые и внутри эпохи неолита могли менять облик культур вплоть до неузнаваемости. В-третьих, трудно предположить, что именно в наиболее отдаленных восточных районах Приамурья, изолированных от металлоносных культур Китая и Забайкалья горными хребтами и трудно проходимой тайгой, влияние последних начинает ощущаться в первую очередь.

Для понимания переходной эпохи важно также отметить, что накануне палеометалла в долине Амура наступает некоторое запустение. Это следует из анализа радиоуглеродных дат для памятников позднего неолита, представленных в Восточном Приамурье вознесеновской культурой, а в Западном — осиноозерской (рис. 3). Как видно из схемы, между ними и первыми памятниками раннего железного века наблюдается хронологический разрыв протяженностью от 500 до 1000 лет, и даже коппинские памятники отстоят от момента их появления на несколько столетий. Объяснение данному феномену пока не найдено, и вряд ли оно связано только с недостаточностью наших знаний.

Эпоха раннего железного века начинается в Приамурье с появления комплексов с посудой, оформленной техническим декором, который был совершенно не характерен для местного неолита. Этот признак — надежный маркер амурского палеометалла, и этот же признак определяет его коренное отличие

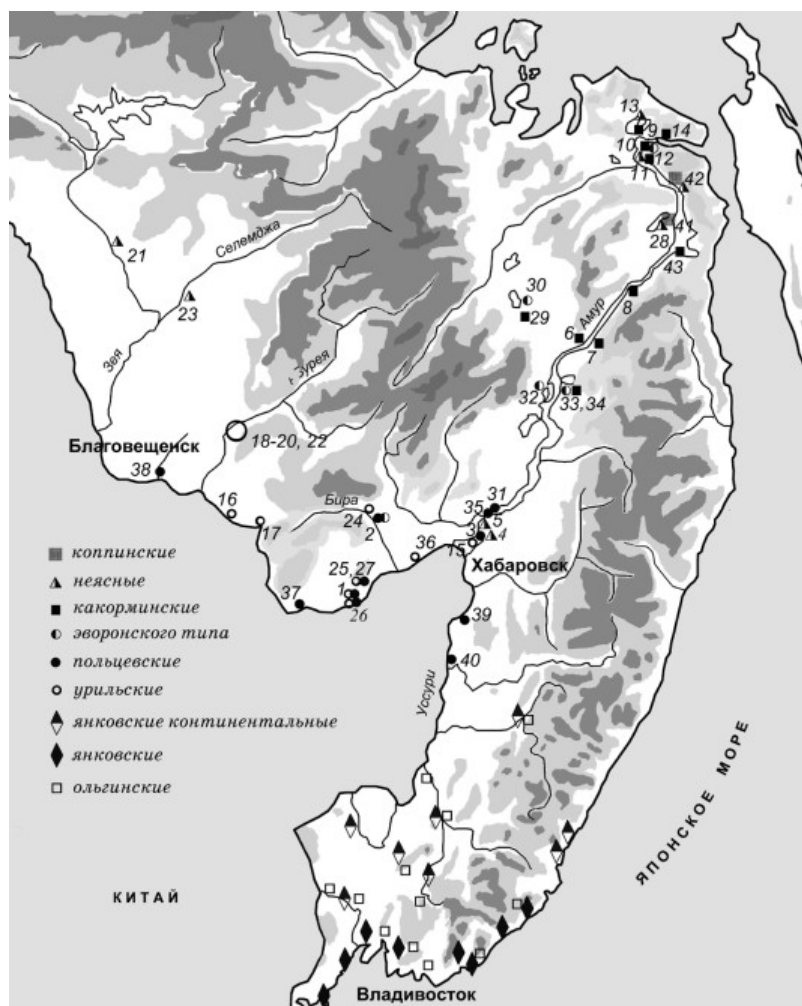

Рис. 1. Схема расположения памятников, упоминаемых в тексте. 1 — Полтсе-1; 2 — Желтый Яр; 3 — Амурский Санаторий; 4 — Петропавловское; 5 — Рыбный порт; 6 — Большой Дурал; 7 — Нижняя Тамбовка; 8 — Максим Горький; 9 — Старая Какорма; 10 — Змейка; 11 — Такта; 12 — Кальма; 13 — Чля 1-3; 14 — Аэропорт; 15 — Быстрая-2; 16 — Михайловка; 17 — о. Урильский; 18 — Сухие Протоки 1, 2; 19 — Малые Симичи; 20 — Букинский ключ 1; 21 — Анго; 22 — Безумка; 23 — Усть-Ульма-1; 24 — Валдгейм-1 (Тимофеев 1959); 25 — Кочковатка; 26 — Рыбное Озеро; 27 — Бензобаки; 28 — Голый Мыс-1, 5; 29 — Кондон; 30 — Сорголь; 31 — Гончарка-1; 32 — Малмыж; 33 — Ханку; 34 — Хумми; 35 — Новотроицкое-12; 36 — Петровское-1 (Тимофеев 1959); 37 — Амурзет; 38 — Алексеевский Бугор; 39 — Венюково-1; 40 — Васильевка-3; 41 — Кольчем-2, 3; 42 — Малая Гавань; 43 — Сучу.

Fig. 1. Location of the sites mentioned in the text. 1 — Poltse-1; 2 — Zhelty Yar; 3 — Amursky Sanatori; 4 — Petropavlovskoye; 5 — Rybnyi port; 6 — Bolshoy Dural; 7 — Nizhnyaya Tambovka; 8 — Maksim Gorkiy; 9 — Staraya Kakorma; 10 — Zmeyka; 11 — Takhta; 12 — Kalma; 13 — Chlya 1-3; 14 — Aeroport; 15 — Bystraya-2; 16 — Mikhaylovka; 17 — Urylskiy; 18 — Sukhiye Protoki-2; 19 — Malye Simichi; 20 — Bukinskiy Kluch-1; 21 — Ango; 22 — Bezumka; 23 — Ust-Ulma; 24 — Valdgeim (Тимофеев 1959); 25 — Kochkovatka; 26 — Rybnoye Ozero; 27 — Benzobaki; 28 — Golyi Mys-1, 5; 29 — Kondon; 30 — Sorgol; 31 — Goncharka-1; 32 — Malmyzh; 33 — Khanku; 34 — Khummi; 35 — Novotroitskoye-12; 36 — Petrovskoye-1 (Тимофеев 1959); 37 — Amurzet; 38 — Alekseevskiy Bugor; 39 — Venyukovo-1; 40 — Vasilyevka-3; 41 — Kolchem-2, 3; 42 — Malaya Gavan; 43 — Suchu.

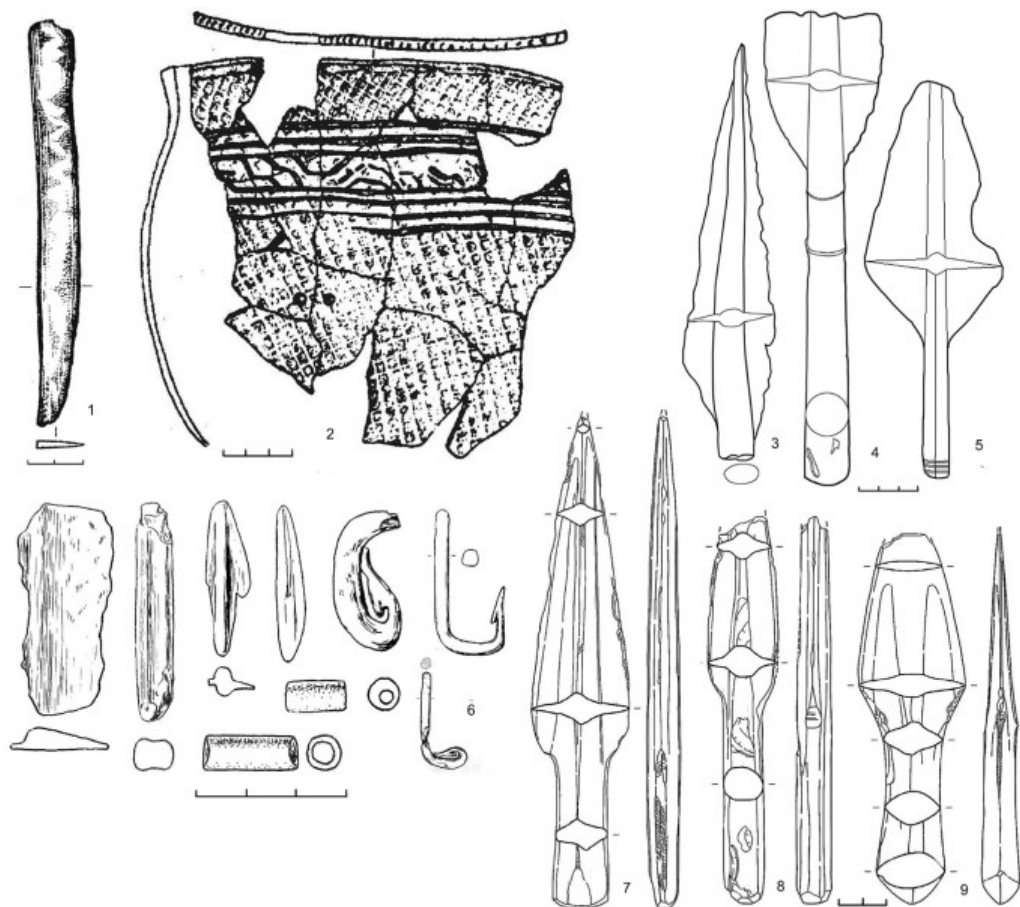

Рис. 2. Находки, послужившие в 1960-х гг. основанием для предположений о возможности выделения бронзового века в Приамурье. 1–5 — бронзовый нож и керамика пос. Сорголь (по Медведев 2003); 6–8 — бронзовые копья, случайные находки; 9 — бронзовые изделия пос. Кондон (Архив СПбФАРАН. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 223); 10–12 — каменные копья, случайные находки. 6 — Сикачи-Алян (Архив СПбФАРАН. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 242 а); 7 — с. Новое, ЕАО (Биробиджанский музей, № 5883); 8 — Хабаровский край (ХККМ, № 10396–2); 10 — с. Союзное, ЕАО (ХККМ, № 2138); 11 — Совгавань (ХККМ, № 2125); 12 — с. Циммермановка (ХККМ, № 10404–1).

Fig. 2. Finds used in the 1960es to substantiate the idea of the existence of the Bronze Age in the Amur river basin. 1–5 — bronze knife and pottery from Sorgol settlement (after Медведев 2003); 6–8 — bronze spears, accidental discovery; 9 — bronze artifacts from Kondon; 10–12 — stone spears, accidental discovery. 6 — Sikachi-Alyan; 7 — Novoye village (Birobidzhan Museum, № 5883); 8 — Khabarovsk province (Khabarovsk city museum, № 10396–2); 10 — Soyuznoe village (Khabarovsk city museum, № 2138); 11 — Sovetskaya Gavan (Khabarovsk city museum, № 2125); 12 — Tsimmermanovka village (Khabarovsk city museum, № 10404–1).

Таблица 1. Культурная хронология эпохи палеометалла в Приамурье
Table 1. Cultural chronology of the Early Metal Period in the Amur basin

По А. П. Деревянко (1976)			Корректировка*				
			Этап	Зея/Буряя	Амур/Уссури	Северо-Восток	
Урильский	XI–VII вв. ВС	Урильский Михайловка Бензобаки Кочковатка Рыбное Озеро Максим Горький	Урило-Янковский	XI–VIII вв. ВС	Урильский Сухие Протоки-2	Бензобаки Кочковатка	?
Желтоярковский	VII–VI вв. ВС	Желтый Яр Польце 2 Кочковатка 2 Рыбное Озеро 2		VIII–IV вв. ВС	?		Польце-1
Польцевский	VI–I вв. ВС	АмурСанаторий Польце	Польцевско-Ольгинский	IV–III в. ВС — III–IV в.	Алексеевский бугор Липовый бугор	Новотроицкое-12 Васильевка-3 Венюково-1	Тахта Аэропорт Голый Мыс-1 Голый Мыс-5
Кукелевский	I в. ВС — IV в.	Кукелево Бензобаки		IV–III в. ВС — III–IV в.		Желтый Яр, в/к	

* только по памятникам с урило-польцевской атрибуцией и ¹⁴С датировками

от синхронных культур Приморья. А. П. Окладниковым и А. П. Деревянко были выделены две, по их представлениям, генетически связанные и последовательно сменяющие друг друга культуры раннего железного века — урильская и польцевская (табл. 1). Они заполняли собой всю территорию Приамурья от среднего течения Амура до его приустьевой части в хронологическом диапазоне от конца 2-го тыс. до первых веков новой эры (рис. 1, 3) (Окладников, Деревянко 1973а; Деревянко 1973, 1976). Обе культуры и сегодня составляют концептуальный каркас амурской эпохи палеометалла. К сожалению, изучение

Табл. 2. Радиоуглеродная хронология памятников эпохи палеометалла Приамурья
Table 2. ¹⁴C chronology of the Early Metal Period in the Amur basin

№*	Памятник	Дата, ¹⁴ C	Матер.	Индекс	Дата, кал. (±2σ)**	Культура	Источник
18	Сухие Протоки-2	3100±40	У	ЛЕ-2260	1446 BC:1266 BC	УРИЛ	Древности Буреи
18	Сухие Протоки-2	2850±40	У	ЛЕ-2259	1129 BC:905 BC	УРИЛ	«
18	Сухие Протоки-2	2845±35	У	СОАН-2722	1119 BC:917 BC	УРИЛ	«
18	Сухие Протоки-2	2810±30	У	СОАН-2723	1050 BC:896 BC	УРИЛ	«
18	Сухие Протоки-2	2625±30	У		833 BC:773 BC	УРИЛ	«
18	Сухие Протоки-2	2640±30	У	СОАН-2724	843 BC:779 BC	УРИЛ	«
18	Сухие Протоки-2	2610±30	У		827 BC:766 BC	УРИЛ	«
17	Урильский	2630±50	У	КИ-3752	910 BC:751 BC	УРИЛ	Древности Буреи
38	Алексеевский Бугор	1945±120	У	СОАН-3761	208 BC:353 AD	ПОЛ	Болотин 2005
38	Липовый Бугор	1810±50	У	АА-27535	82 AD:338 AD	ПОЛ	«
25	Кочковатка, ж. 1	2660±30	К	КИ-3753	839 BC:772 BC	УРИЛ; ПОЛ-?	Древности Буреи
25	Кочковатка, ж. 1	2665±25	У	СОАН-2616	849 BC:796 BC	УРИЛ; ПОЛ-?	«
25	Кочковатка, ж. 1	2420±60	У	СОАН-2617	669 BC:397 BC	УРИЛ; ПОЛ-?	«
25	Кочковатка, ж. 1	2350±20	У	СОАН-2618	418 BC:384 BC	УРИЛ; ПОЛ-?	«
27	Бензобаки, ж. 1	2770±40	К	КИ-3754	1008 BC:828 BC	УРИЛ; ПОЛ-?	«
1	Польце-1	2930±80	У		1323 BC:923 BC	ПОЛ	Деревяно 1976
1	Польце-1	2350±40	У		542 BC:361 BC	ПОЛ	Деревяно 1976
1	Польце-1	2470±60	У		767 BC:411 BC	ПОЛ	Деревяно 1976
2	Желтый Яр, ж. 1	1580±30	У	ЛЕ-8666	415 AD:547 AD	ЭВОР	Яншина 2010
2	Желтый Яр, ж. 1	1770±80	У	ЛЕ-8667	71 AD:427 AD	ЭВОР	«
2	Желтый Яр, ж. 1	1470±60	У	ЛЕ-8668	526 AD:661 AD	ЭВОР	«
2	Желтый Яр, ж. 2	1570±60	У	ЛЕ-8976	380 AD:615 AD	ЭВОР	«
2	Желтый Яр, ж. 2	1740±70	У	ЛЕ-8977	122 AD:433 AD	ЭВОР	«
39	Венуково-1	2020±50	У	СОАН-7004	167 BC:74 AD	ПОЛ	Малявин, Краминцев 2008
39	Венуково-1	1910±45	У	СОАН-7006	2 AD:225 AD	ПОЛ	«
40	Васильевка-3	2470±105	У	СОАН-4629	814 BC:382 BC	ПОЛ	Краминцев 2002a
40	Васильевка-3	1935±120	У	СОАН-4630	204 BC:382 AD	ПОЛ	«
40	Васильевка-3	1920±40	У	СОАН-4359	0 BC:181 AD	ПОЛ	«
35	Новотроицкое-12	1885±35	У	Тка-13493	55 AD:227 AD	ПОЛ	Шевкомуд и др. 2006
35	Новотроицкое-12	1825±35	У	Тка-13492	117 AD:256 AD	ПОЛ	«
7	Нижняя Тамбовка П	2540±80	У	СОАН-6301	812 BC:413 BC	КАКОРМ	Бочкарева и др. 2006
7	Нижняя Тамбовка П	2510±105	У	СОАН-6302	831 BC:395 BC	КАКОРМ	«

7	Нижняя Тамбовка М	2505±75	У	СОАН-6303	795 ВС:478 ВС	КАКОРМ	«
7	Нижняя Тамбовка М	2480±105	У	СОАН-6304	815 ВС:387 ВС	КАКОРМ	«
7	Нижняя Тамбовка М	2430±95	У	СОАН-6305	798 ВС:369 ВС	КАКОРМ	«
8	Максим Горький	2490±30	У	КИ-3748	776 ВС:508 ВС	КАКОРМ	Древности Буеи
8	Максим Горький	2540±50	У	КИ-3749	808 ВС:510 ВС	КАКОРМ	«
11	Тахта	2380±90	У	СОАН-82	776 ВС:352 ВС	Неясно	Дереванко 1976
11	Тахта	2280±83	У	СОАН-93	546 ВС:99 ВС	Неясно	«
28	Гольий Мыс-1	3150±40	У	IAAA-61411	1505 ВС:1370 ВС	КОПП	Шевкомуд, Кузьмин 2009
28	Гольий Мыс-1	3150±40	У	IAAA-61412	1505 ВС:1370 ВС	КОПП	«
28	Гольий Мыс-1	3290±45	У	СОАН-5472	1685 ВС:1491 ВС	КОПП	«
28	Гольий Мыс-1	3290±40	У	IAAA-61413	1681 ВС:1493 ВС	КОПП	«
28	Гольий Мыс-1	3315±55	У	СОАН-5473	1698 ВС:1492 ВС	КОПП	«
28	Гольий Мыс-1	2760±40	У	IAAA-61415	1002 ВС:825 ВС	Неясно	«
28	Гольий Мыс-1	2790±40	У	IAAA-61416	1029 ВС:835 ВС	Неясно	«
28	Гольий Мыс-1	2890±40	У	СОАН-5471	1212 ВС:972 ВС	Неясно	«
28	Гольий Мыс-1	2905±35	У	СОАН-5470	1215 ВС:998 ВС	Неясно	«
28	Гольий Мыс-1	2405±40	У	СОАН-5469	570 ВС:395 ВС	Неясно	Фукуда и др. 2005
28	Гольий Мыс-1	3690±40	Нагар	IAAA-61422	2152 ВС:1959 ВС	КОПП	Шевкомуд, Кузьмин 2009
28	Гольий Мыс-5	1965±100	У	СОАН-4494	205 ВС:257 AD	Неясно	Шевкомуд 2003
41	Кольчём-3	3637±14	Нагар	НУТА-7569, 7570	2035 ВС:1947 ВС	КОПП	Шевкомуд, Кузьмин 2009
41	Кольчём-3	3620±25	Нагар	AA-60763	2035 ВС:1900 ВС	КОПП	«
41	Кольчём-3	3755±30	Нагар	AA-60764	2233 ВС:2120 ВС	КОПП	«
14	Аэропорт	2295±85	У	СОАН-5157	571 ВС:155 ВС	КАКОРМ	Дерюгин и др. 2003
14	Аэропорт	2345±25	У	СОАН-5158	419 ВС:380 ВС	КАКОРМ	«
14	Аэропорт	2670±40	Нагар	Beta-166524	902 ВС:794 ВС	КАКОРМ	«
10	Змейка-1	2545±35	У	СОАН-5162	801 ВС:729 ВС	КАКОРМ	Дерюгин 2009а
10	Змейка-1	2420±40	У	СОАН-5164	595 ВС:399 ВС	КАКОРМ?	«
13	Чля	2555±35	У	СОАН-5156	804 ВС:735 ВС	Неясно	«

* Номер на карте и схеме (рис. 1, 2)

** Calib Rev 5.0.1

Условные обозначения и сокращения:

УРИЛ — урильская культура

ПОЛ — польцевская культура

КОПП — колпинская культура

ЭВОР — эворонский тип керамики

КАКОРМ — какорминский тип керамики

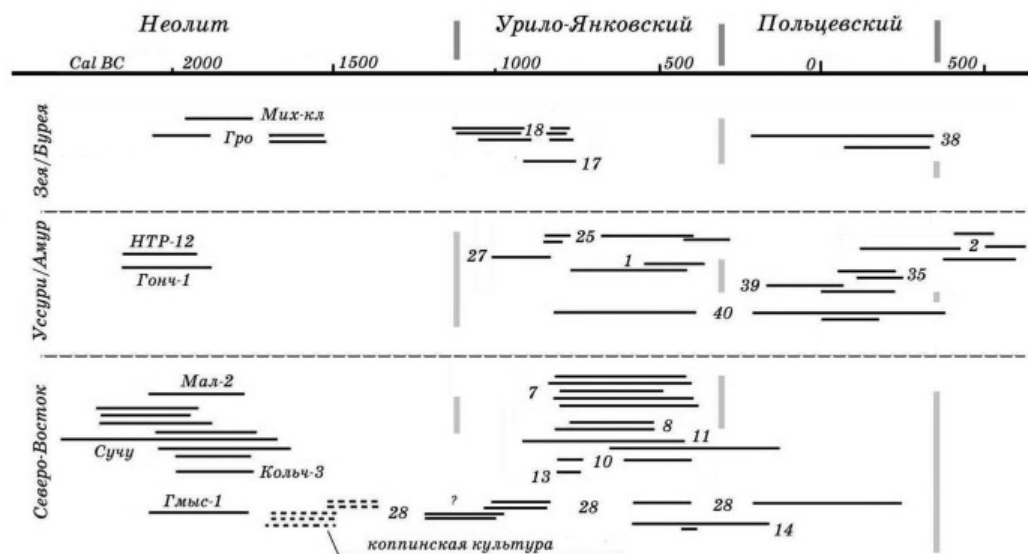

Рис. 3. Сравнительная хронология памятников эпохи палеометалла Приамурья (номера соответствуют номерам памятников на карте и в хронологической таблице).

Fig. 3. Comparative chronology of the Early Metal sites of the Amur river basin (numbers correspond to the site numbers on the map and in the chronological table).

их до сих пор находится практически в том же состоянии, в каком его оставили в середине 1970-х гг. А. П. Окладников и А. П. Деревянко, со временем лишь накопилась масса новых вопросов. Приток источников идет очень медленно, а их анализ оставляет без ответа многие важные вопросы.

Этапы развития урильской и польцевской культур, своеобразие их типологических характеристик и состав памятников были лишь намечены в предыдущих исследованиях (Деревянко 1973, 1976), но со временем так и не получили развернутой характеристики. Наибольшие трудности с пониманием вызывают материалы самого раннего и самого позднего этапов польцевской культуры, в результате чего возникают проблемы ее дифференциации с урильской культурой, а также ольгинской культурой соседнего Приморья. Не вполне понятными остаются и региональные вариации памятников. К сожалению, отсутствие ясности в этих вопросах ставит под сомнение любые попытки историко-культурной интерпретации комплексов амурского палеометалла.

В настоящей работе я постараюсь дать общий обзор источников и представить свое видение изложенных выше вопросов, опираясь на известные мне материалы из коллекций С. И. Широкогорова, Л. Я. Штернберга, А. П. Окладникова, А. П. Деревянко, С. П. Нестерова, И. Я. Шевкомуда, В. А. Дерюгина, а также собственные полевые исследования поселения Желтый Яр. Конечно, неясностей остается очень много. Из-за нечеткости типологических характеристик комплексов опорных памятников урильской и польцевской культур (Амурский

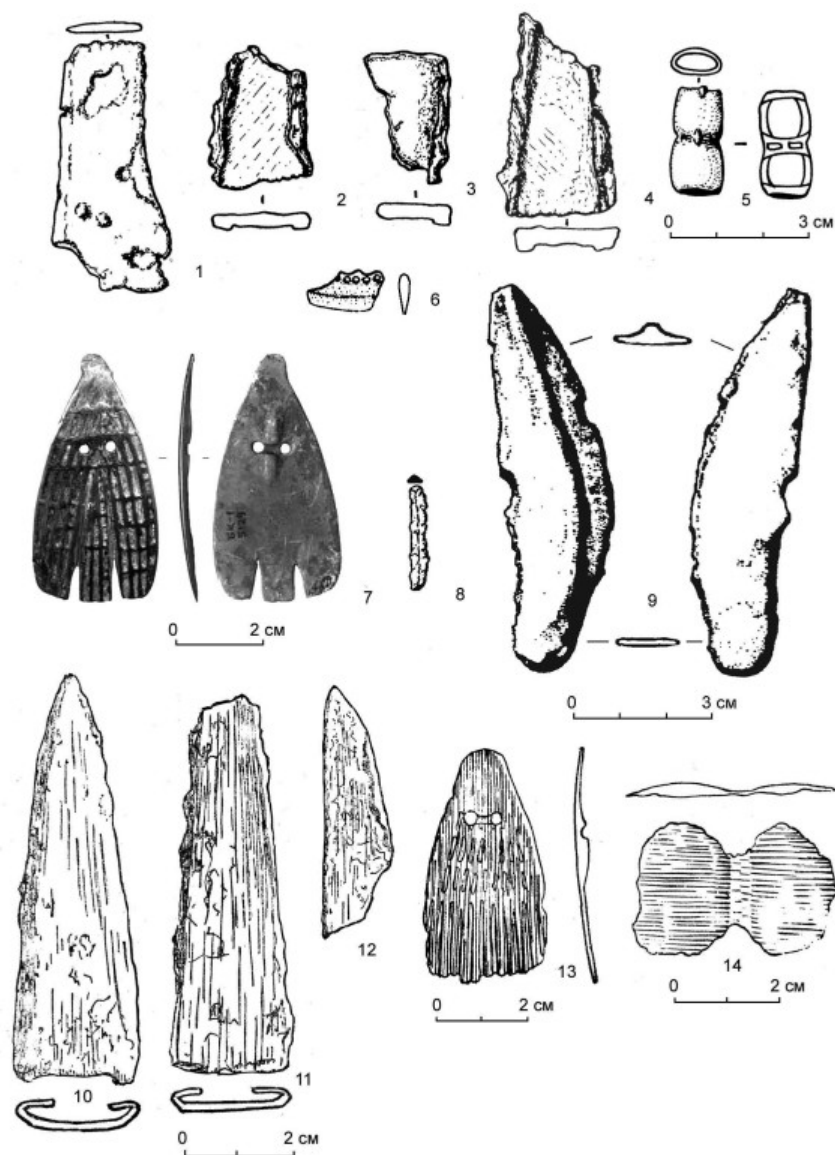

Рис. 4. Металлические изделия урильской культуры (Амурская область): 5–7, 9, 13–14 — бронза; 1–4, 8, 10–12 — железо. 1–6 — Сухие Протоки-2 (Гребенщиков и др. 1988, рис. 2); 7–8 — Букинский ключ-1 (Нестеров и др. 2008, рис. 12, 14); 9 — Усть-Ульма-1 (Нестеров и др. 2008, рис. 15); 10–13 — о. Урильский (Деревянко 1973, рис. 15, 17); 14 — Анго (Деревянко 1973, рис. 6). 1, 6, 9, 12 — ножи; 8 — стержень; 2–4, 10–11 — насады; 5, 7, 13–14 — украшения.

Fig. 4. Metal implements of the Uril culture: 5–7, 9, 13–14 — bronze; 1–4, 8, 10–12 — iron. 1–6 — Sukhiye Protoki-2 (after Grebenzchikov et al. 1988: fig. 2); 7–8 — Bukinskiy Kluch-1 (after Nesterov et al. 2008: fig. 12, 14); 9 — Ust-Ulma-1 (after Nesterov et al. 2008: fig. 15); 10–13 — Urilskiy island (after Derevyanko 1973: fig. 15, 17); 14 — Ango (after Derevyanko 1973: fig. 6). 1, 6, 9, 12 — knives; 8 — shank; 2–4, 10–11 — celts; 5, 7, 13–14 — ornaments.

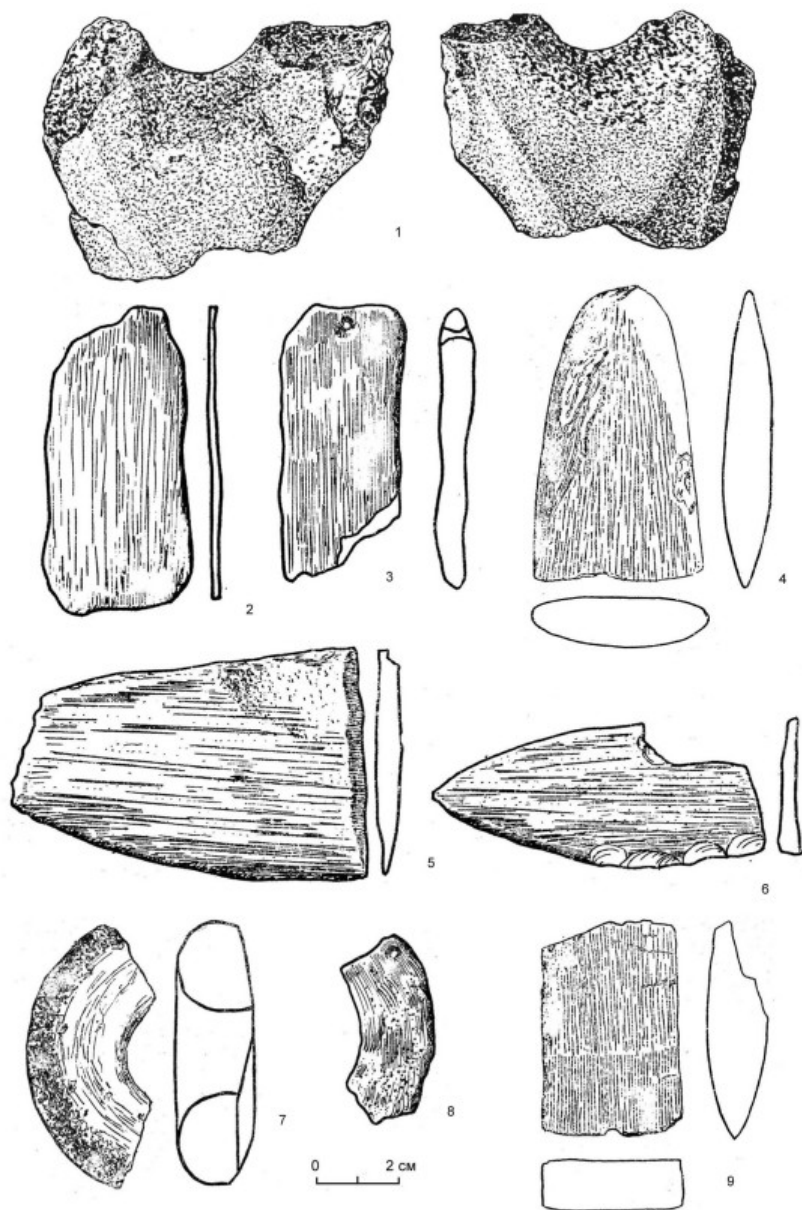

Рис. 5. Шлифованный каменный инвентарь урильской культуры (по Деревянко 1973): 1 — реплика сверленного топора; 2-3 — точильца; 4, 9 — рубящие орудия; 5-6 — ножи; 7-8 — кольца (8 — нефрит). 1-4, 7, 9 — о. Урильский; 5-6, 8 — Бензобаки.

Fig. 5. Polished stone artifacts of the Uril culture (after Derevyanko 1973): 1 — replica of a perforated axe; 2-3 — whetstones; 4, 9 — axes; 5-6 — knives; 7-8 — rings (8 — nephritis). 1-4, 7, 9 — Urilsky island; 5-6, 8 — Benzobaki.

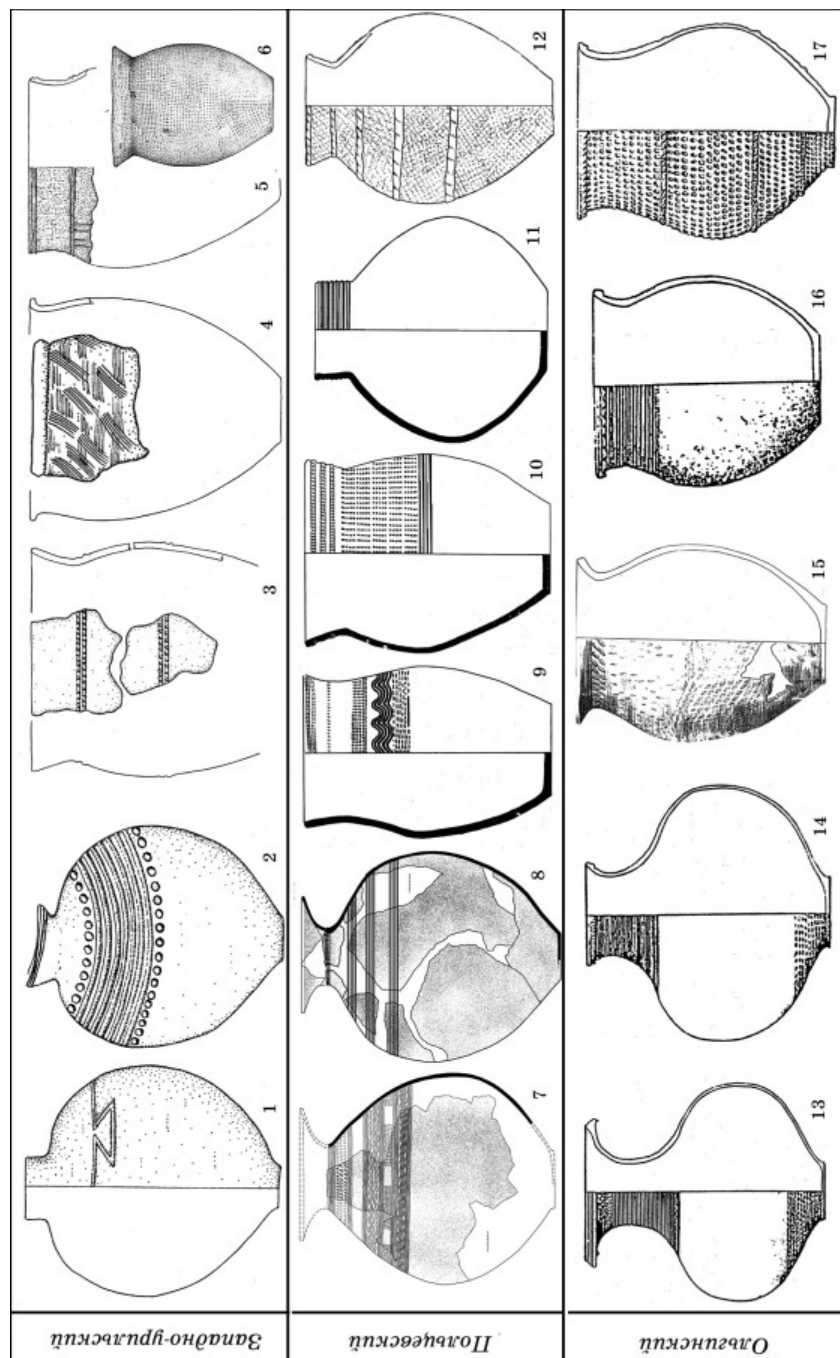

Рис. 6. Керамика урительской, полтавецкой и ольгинской культур Приамурья и Приморья. 1–4 — о. Урительский; 5 — Сухие Протоки-2; 6 — Букнинский клоч-1; 7, 8 — Амурский Санаторий (Востокрыбсбыт); 9, 10–11 — Польце-1; 12 — Желтый Яр; 13–17 — Глазовка-городище (по: 1–2 — Гребенщиков, Деревянко 2001; 6 — Нестеров и др. 2008; 9–11 — Окладников, Деревянко 1970; 13–17 — Коломиец 2001).

Fig. 6. Pottery of the Uril, Poltse and Olga cultures. 1–4 — Urilsky island; 5 — Sukhiye Protoki-2; 6 — Bukinsky Klyuch-1; 7, 8 — Amursky Sanatory (Vostokrybsbyt); 9, 10–11 — Poltse-1; 12 — Zheily Yar; 13–17 — Glazovka-gorodizche (after: 1–2 — Gribenitschikov, Derevyanko 2001; 6 — Nesterov and dr. 2008; 9–11 — Okladnikov, Derevyanko 1970; 13–17 — Kolomietz 2001).

Санаторий, Польце-1 и серия урильских стоянок около с. Кукелево и Кочковатка) многие вопросы их изучения просто не могут быть решены окончательно.

Урильская культура открывает собой эпоху палеометалла в Приамурье. Территориально ее памятники концентрируются в трех районах: западном, расположенном в Зейско-Буреинском междуречье, центральном, связанном с районом слияния Амура и Уссури, и северо-восточном в самых низовьях Амурской долины (рис. 1). В наиболее «чистом» виде урильский комплекс признаков представлен на западе ареала, так как здесь расположен его опорный памятник о. Урильский и отсутствуют памятники польцевской культуры. Комплексы центральной части ареала менее понятны. С одной стороны, очевидно, что в них представлены урильские материалы, с другой стороны, здесь фиксируются такие элементы, которые отсутствуют среди западных памятников, а кроме того есть и черты, типичные для польцевской культуры. Наиболее же сложная ситуация с восточными памятниками: их много, но неоднозначно определить их как урильские не представляется возможным. Их называют урильскими, устьевым вариантом польцевской культуры или памятниками урило-польцевского облика (см., напр., Шевкомуд 2003; Дерюгин 2009а).

Что же представляет собой урильская культура в ее «чистом» западном варианте?

Все западные памятники локализованы в Зейско-Буреинском районе. Все-го здесь известно около 10 стоянок и поселений, не считая разведочных данных. Среди них есть промысловые лагеря и стационарные поселки, первые расположены в горно-таежной области на р. Бурее, вторые на берегу Амура. Наиболее известные амурские памятники — о. Урильский и Михайловка (Деревянко 1973; Гребенщиков и др. 1988; Гребенщиков, Деревянко 2001). Наиболее изученные стоянки в долине р. Буреи — Сухие Протоки-2 и Букинский ключ-1 (Гребенщиков и др. 1988; Нестеров и др. 2000, 2008).

Бронзовые изделия из памятников урильской культуры представлены двумя лапчатыми подвесками (о. Урильский, Букинский ключ-1) (рис. 4: 7, 13) и бляхой (Анго) (рис. 5: 14) весьма оригинальных форм, бронзовым коленчатым клинком с выступом-нервюрой на одной из поверхностей (Усть-Ульма-1) (рис. 4: 9), фрагментом ножа с орнаментом из круглых ямок (Сухие Протоки-2) (рис. 4: 6) и дольчатой бляшкой-пронизкой с бочонковидным сечением (Сухие Протоки-2) (рис. 4: 5). Химический анализ бляшки из Букинского ключа показал высокое содержание в ней олова (25–30 %) и свинца (8–12 %), за счет чего изделие получилось очень хрупким. По своему составу эта бляха довольно существенно отличается от приморских бронз, в которых олово и свинец присутствовали в гораздо меньших количествах (Конькова 1989, 1996; Крупянко, Яншина 2002; Яншина, Ключев 2005). Полных аналогий большинству из этих предметов нет. Восходят они к формам карасукских бронзовых изделий, но не являются при этом их точными аналогами. Облик по крайней мере некоторых из них определенно указывает на забайкальский круг аналогий (см. напр., Асеев 2003: рис. 79).

Железные изделия также оригинальны. Среди них стержень, возможно от рыболовного крючка (Букинский ключ-1) (рис. 4: 8), фрагмент пластинчатого одностороннего ножа коленчатой формы с двумя выступами на месте соединения лезвия с рукоятью (Сухие Протоки-2) (рис. 4: 1), фрагмент лезвия ножа

(Урильский) (рис. 4: 12), три фрагмента кельтов вытянутых подтрапещиевидных очертаний (Сухие Протоки-2) (рис. 4: 2–4) и два кельта-насада подтреугольных очертаний (о. Урильский) (рис. 4: 10–11), кусок ожелезненного шлака (Букинский ключ-1). Коленчатый нож не имеет аналогий. Изготовлен он из низкоуглеродной стали (Краминцев 1996). Внешне напоминает коленчатые карасукские ножи, но отличается расположением лезвия и наличием двух шипов. По мнению исследователей, он представляет собой своеобразную имитацию бронзовых карасукских ножей, выполненную из железа (Нестеров и др. 2008). Кельты, напротив, по форме находят себе прямые аналогии в памятниках раннего железного века Приморья: и те, и другие изготавливались из белого чугуна (Краминцев 1996).

Обстоятельства обнаружения металлических изделий на стоянках о. Урильский, Букинский ключ-1 и Сухие Протоки-2 не оставляют сомнений в их урильской атрибуции. Опираясь на дату со стоянки на о. Урильском, можно думать, что в урильских комплексах металл появляется в IX–VIII вв. до н. э. В то же время хотелось бы обратить внимание, что эти даты выглядят чересчур ранними для железных артефактов, так как в соседних районах Китая и Кореи первые находки железа датируются в интервале VI–IV вв. до н. э. (Pigott 1999), и более ранние даты мне не известны.

Каменный инвентарь амурских и буреинских стоянок несколько различается.

Орудия с промысловых стоянок на Бурее изготавливались преимущественно из колотых галек, отщепов и сколов, обрабатывались ретушью и оббивкой по краям или поверхностям. Морфологически выраженных орудий мало, это наконечники стрел, скребки, ножи. Шлифованных изделий мало или их вообще не находят, все они относятся к типу тесел и долот (Сухие Протоки-2). Очень много орудий на гальках — грузила, отбойники, мотыги, лощила, песты, куранты, ретушеры. Специально следует отметить присутствие инструментов для обработки металла (шлифовальные плиты, точила, калибраторы, отбойники). Из предметов, не связанных с хозяйственной деятельностью, упоминаются подвеска из яшмы (Букинский ключ-1), обломок шлифованного каменного кольца (Сухие Протоки-2), а также находки халцедоновых галечек (Гребенщиков и др. 1988; Нестеров и др. 2000, 2008). Функциональный набор орудий в целом отражает охотничью и рыболовческую деятельность, а также деятельность по производству орудий. Этому соответствует и характер жилищно-бытовых объектов, выявленных на этих стоянках. Здесь отсутствуют как таковые полуподземные жилища, а находки связаны с отдельно расположенными кострищами или хозяйственными ямами (Нестеров и др. 2000).

Каменный инвентарь стоянок, расположенных по берегам Амура, изучен хуже. На о. Урильском основная его масса собрана на размываемых участках берега, где когда-то располагались урильские жилища (Деревянок 1973). При раскопках самих жилищ каменные изделия встречались редко. Среди них несколько желваков для снятия отщепов (Михайловка), полностью ретушированные наконечник стрелы и вкладыш (Урильский), отщепы и сколы с ретушью. Шлифованные инструменты встречаются чаще, чем на промысловых стоянках, среди них уже не только топоры и тесла (рис. 5: 4, 9), но и жатвенные ножи с отверстиями. В подъемных коллекциях С. М. Широкогорова упоминаются шлифованные наконечники стрел. Среди других орудий зернотерки, песты,

куранты, терочные плиты, наковальни, точила, много грузил. Имеются также фрагмент каменного сверленного топора (рис. 5: 1) и обломок шлифованного кольца (рис. 5: 7).

Хозяйственная направленность обитателей амурских стоянок отражает активные занятия рыболовством, скотоводством (кости рыб, свиньи, козы, скопления раковин) и, по-видимому, земледелием (ладьевидный курант, шлифованные ножи). Об оседлом образе жизни свидетельствуют и жилища урильцев. Они устраивались в глубоких котлованах подпрямоугольной формы и имели каркасно-столбовую конструкцию. В жилищах обычно располагалось много хозяйственных ям, вокруг которых отмечалась повышенная концентрация находок (см. подробно: Деревянко 1973).

Самая многочисленная часть урильских коллекций — керамическая посуда (рис. 6). Изготавливалась она из глины с минеральными добавками ленточно-кольцевым налепом. При некоторой неустойчивости комплекса ее признаков она обладает ярко выраженной спецификой, которую отражают четыре типа сосудов.

Один из них представлен слабопрофилированными емкостями с короткими или даже едва намеченными горловинами, украшенными на плечиках своеобразным прочерченным декором в виде разного рода «плетенок», «распавшегося» меандра, горизонтальных зигзагов и очень редко волнистых линий (рис. 6: 4). Особенностью исполнения этих узоров был инструмент — гребенка с тремя-шестью зубцами. Венчики таких сосудов могли оформляться ногтевыми-пальцевыми вдавлениями, стягивающими глину вниз. Сосуды этого типа преобладают в коллекциях амурских памятников, значительно меньше их на Бурее. По ряду признаков они отдаленно напоминают посуду приханкайских поздненеолитических памятников Приморья, а в целом они отражают традиции земледельческого неолита, восходящие к южно-маньчжурской неолитической общности (Алкин 2007).

Второй тип сосудов имеет чуть более высокие горловины и отличается присутствием на стенках мелкоячеистого и слаборельефного ложнотекстильного узора. На амурских стоянках такие сосуды редки, а на буреинских составляют довольно значительную часть комплекса. Украшались они исключительно узкими подтреугольными в сечении валиками — налепными или «выглаженными», которые располагались по одному или поясками вдоль венчика и в основании горловины (рис. 6: 3, 5–6; 11: 3–4), а иногда и на выпуклой части тулова. Иногда от горизонтальных поясков валиков вниз на горловину или плечики могли спускаться короткие вертикальные валики-«усики» (рис. 6: 5), иногда короткие налепы на горловинах вообще служили единственным декором таких сосудов (рис. 6: 6). Далее мы будем называть такие сосуды выполненными в «таежном» стиле.

Разновидностью этого типа сосудов можно считать емкости, лишенные технического декора. Они могли украшаться также рассеченными налепными валиками, или оттисками штампа, обычно двузубого, или насечками. Узор располагался узкими горизонтальными поясками вдоль устья, в основании горловины, а также по плечикам. В коллекциях буреинских стоянок их также больше, чем в амурских.

Третий тип, самый яркий, представлен крупными красноощеными сосудами-сфероидами с короткими резко отогнутыми или вертикальными горловинами и очень раздутым округлым туловом. Они либо не украшались,

либо украшались налепными инкрустированными валиками и жемчужинками (рис. 6: 1–2). Таких сосудов много на амурских стоянках, а на буреинских они отсутствуют. Впечатляют и узоры на стенках тулова. Это могли быть пояса горизонтальных и зигзагообразных линий, треугольных и ломаных фигур. Назначение сосудов-сфероидов не известно. Они могли использоваться как тарные, а присутствие на них яркой малиновой краски в сочетании со специфичными узорами позволяет предполагать наличие к ним особого отношения у носителей культуры. Кроме того, эти сосуды позволяют проводить вполне обоснованные аналогии с посудой янковской культуры раннего железного века Приморья (Деревянко 1973: 246–272; Андреева и др. 1986: 192–196; Гребенщиков, Деревянко 2001: 58–60).

Четвертый тип сосудов также относится к числу «исключительных», это миски и чашечки, они, как правило, не имели узора, но отличались ярким красным лощением, как и сосуды-сфероиды. В материалах буреинских памятников они также отсутствуют.

Смещаясь на восток вниз по Амуру, мы встречаемся в районе его слияния с Уссури с **центральной группой урильских памятников**, которую представляют поселения Кочковатка, Бензобаки и Рыбное Озеро (Деревянко 1973;

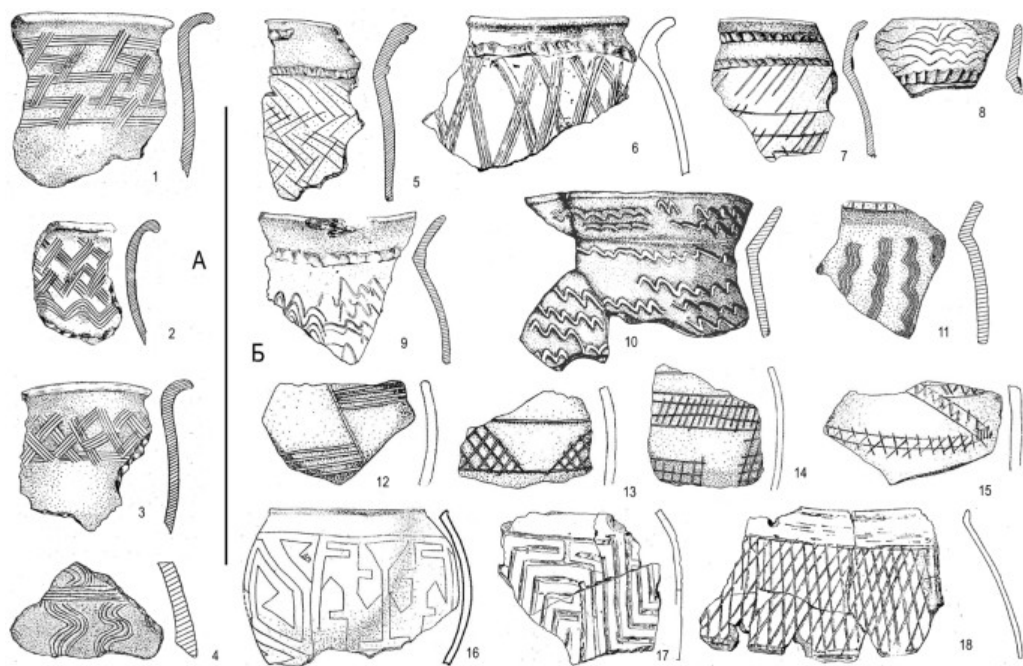

Рис. 7. Керамика с прочерченными орнаментами западно-урильских (А) и центрально-урильских (Б) памятников. Без масштаба. 1–4 — о. Урильский; 5, 7, 10 — Бензобаки; 6, 16–18 — Рыбное Озеро; 9, 11–15 — Кочковатка. (1–4, 6, 6–18 — Деревянко 1973; остальное — Гребенщиков, Деревянко 2001).

Fig. 7. Pottery with insized design from the West Uril (A) and Central Uril (Б) sites. No scale. 1–4 — Urilsky island; 5, 7, 10 — Benzobaki; 6, 16–18 — Rybnoye Ozero; 9, 11–15 — Kochkovatka. (1–4, 6, 6–18 — Деревянко 1973; the rest — Гребенщиков, Деревянко 2001).

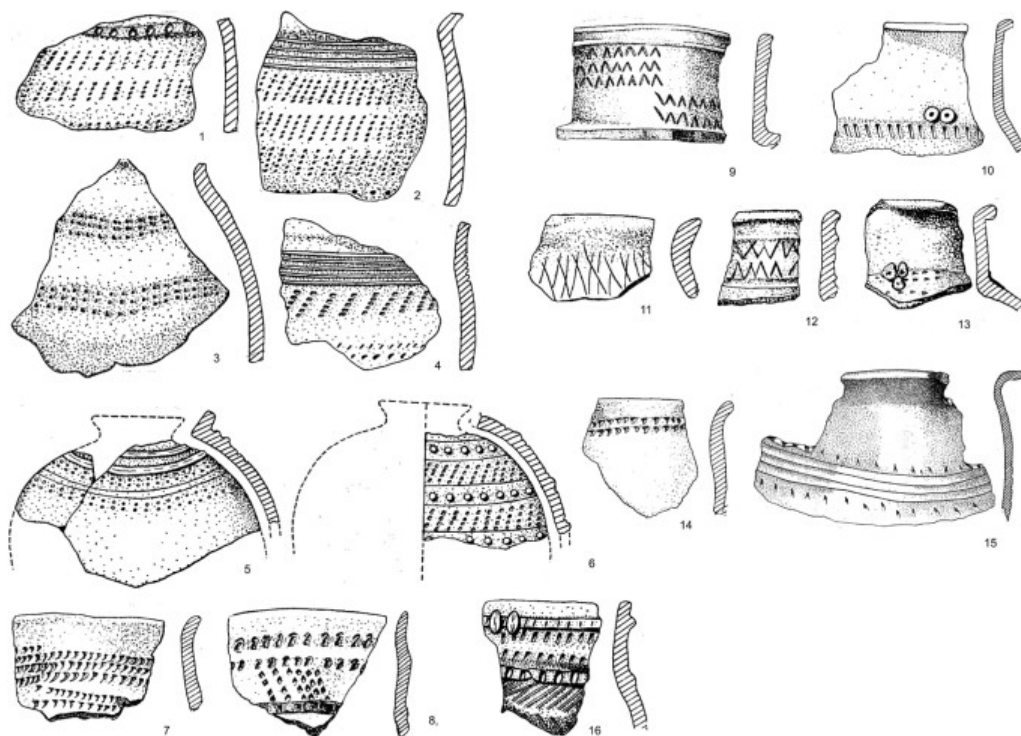

Рис. 8. «Неурильская» керамика центральной группы урильских памятников (по Деревянко 1973; Гребенщиков, Деревянко 2001). 3–4, 7–13, 15–16 — Кочковатка; 1–2, 11, 14 — Бензобаки.

Fig. 8. «Non-Uril» pottery from the central group of the Uril sites (after Деревянко 1973; Гребенщиков, Деревянко 2001). 3–4, 7–13, 15–16 — Kochkovatka; 1–2, 11, 14 — Benzobaki.

Гребенщиков, Деревянко 2001), расположенные неподалеку от устья Биры (рис. 1). Это опорные памятники, материалы которых легли в основу выделения урильской культуры в целом. К этой же группе, по-видимому, примыкают поселение на оз. Петропавловском (Деревянко 1973; Копытько 1988), могильник Быстрая-2 (Васильев 1983; Дерюгин 1998) и святилище Рыбный порт (Копытько 2006), расположенные около Хабаровска.

Имеются большие сложности с пониманием количества и облика культурно-хронологических комплексов, отложившихся в материалах всех этих памятников. Не ясна степень их сходства между собой, возникают проблемы и с их урильской атрибуцией, вызванные целым рядом причин. Из них главными, пожалуй, можно назвать две: присутствие признаков, в большей степени характерных для польцевской культуры, а также целого ряда признаков, не находящих себе аналогий среди западно-урильских комплексов. Причем, что очень важно и интересно одновременно, эти отличительные признаки неустойчивы, и на разных памятниках проявляются по-разному.

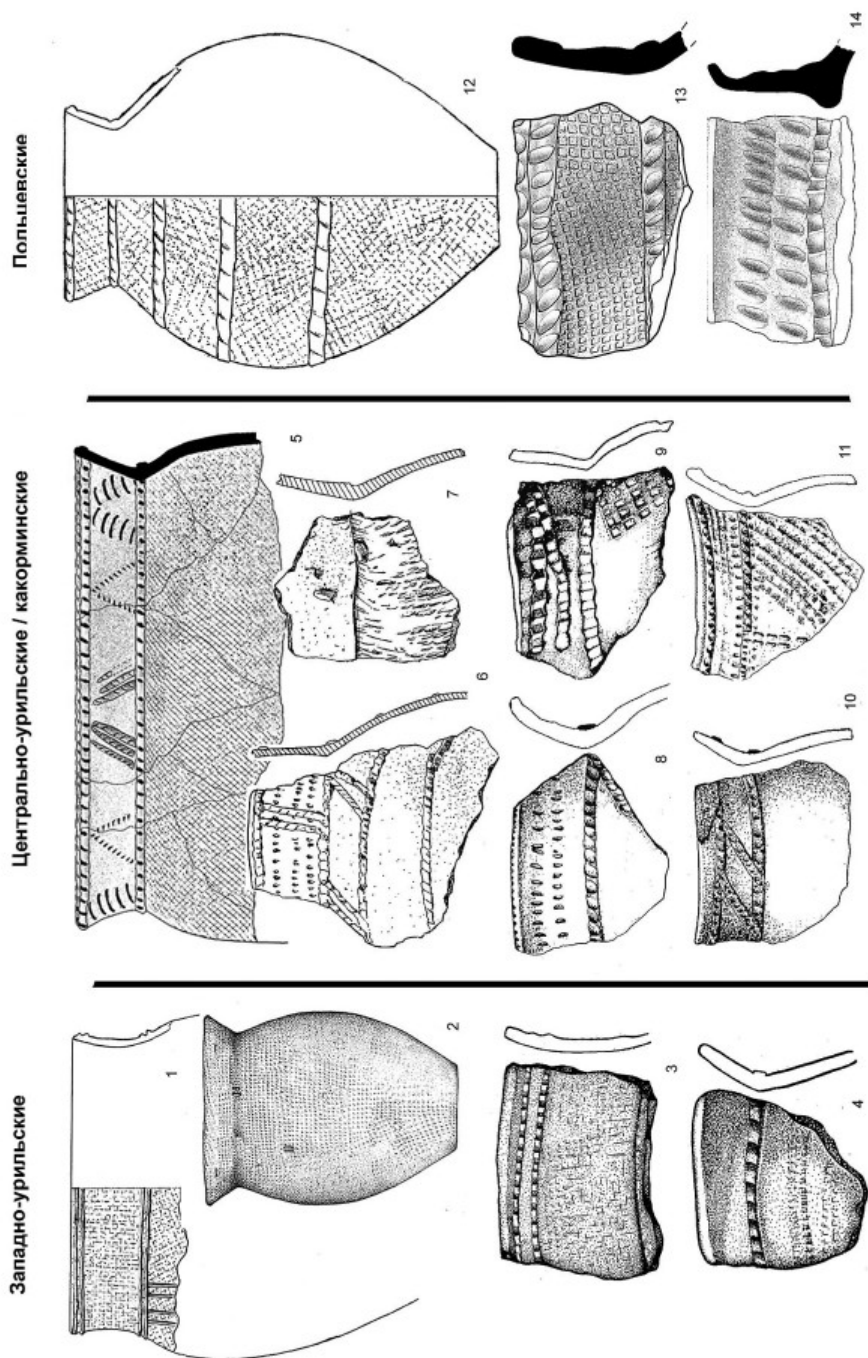

Рис. 9. Сосуды «таежного» стиля уральской и польцевской культур. 1, 3–4 — Сухие Протоки-2 (Гребенщиков и др. 1988); 2 — Букинский ключ-1 (Нестеров и др. 2008); 5 — Большой Дураи; 6–8, 10–11 — Кочковатка (Гребенщиков, Деревянко 2001); 12 — Желтый Яр; 13–14 — Амурский Санаторий.

Fig. 9. Vessels of the «Tayezhny» style from the Ural and Poltse sites. 1, 3–4 — Sukhiye Protoki-2 (Grebenshchikov and др. 1988); 2 — Bukinsky Klyuch-1 (Nestеров and др. 2008); 5 — Bolshoy Durai; 6–8, 10–11 — Kochkovatka (Grebenshchikov, Derevyanko 2001); 12 — Zheilty Yar; 13–14 — Amursky Sanatoriy.

В заполнениях жилищ на поселениях этой группы встречены в целом те же категории находок, что и на западе (Деревянко 1973). Важно, что здесь найдено существенно меньше металлических изделий: по одному железному предмету на поселениях Кочковатка (здесь же обнаружен ошлакованный фрагмент керамики и кусочек шлака) и Бензобаки. К сожалению, достоверно соотнести их с урильскими комплексами этих памятников затруднительно. То же можно сказать и об иных артефактах (рис. 5: 5, 6, 8). Меньше сложностей вызывают материалы могильника, где помимо керамики были найдены только мелкие цилиндрические бусины из камня и кости (Дерюгин 1998). В материалах святилища находки более богатые, среди них должны быть в первую очередь отмечены бронзовый нож, шлифованные и ретушированные наконечники стрел, костяные латные пластины и накладка на луки. К сожалению, керамические материалы этого памятника невыразительны, что крайне затрудняет его интерпретацию в целом.

Достоверно особенности центрально-урильской группы пока можно проследить только по керамике, да и то осозная, что они отражают комплексы, точный типологический облик которых еще только предстоит определить, как и степень их близости.

Значительная часть западно-урильского комплекса признаков в материалах центрально-урильской группы замещается иными чертами. Полностью сохраняет свое значение и облик только краснолощенная посуда. «Плетеные» орнаменты исчезают, уступая место узорам иного облика, среди них прочерченные косая сетка (рис. 7: 6, 18), волнистые линии (рис. 7: 8–10, 12), зигзаг (рис. 7: 5; 8: 16), и какие-то неясные композиции из заштрихованных «лент» и «треугольников» (рис. 7: 11, 13–15). Отличительной особенностью этих новых узоров является то, что они, как правило, сочетаются с наклепными рассеятыми валиками, идущими по основанию горловины и иногда вдоль обреза венчика (рис. 7: 5–9). Здесь мы видим как выделенный нами по материалам западных урильских памятников «таежный» стиль соединяется с прочерченными узорами, которые хотя и не похожи на западно-урильские «плетенки», но все же также могут быть оценены как реминисценции декоративных традиций южно-маньчжурского неолита.

Еще один новый вид орнаментов представлен в коллекции поселения Рыбное Озеро, такие узоры состояли из прямолинейных лабиринтов, спиралей и зигзагов, стреловидных и крестообразных фигур и т. п. (рис. 7: 16–17). В коллекции Рыбного Озера, как сообщается, ими украшено 48,5 % всей керамики (Гребенщиков 1990). Выполнялись они либо прочерчиванием, либо в технике сграффито, когда узор процарапывался на обожженной и предварительно обработанной лощением или ангобированием поверхности сосудов. По общему начертанию эти узоры близки орнаментам на краснолощенной посуде, где можно увидеть их отдельные «детали»: Г-, П- и Z-образные фигуры, ломаные линии и т. п., а кроме того, они также наносились на краснолощенную поверхность.

Среди новых признаков обязательно должны быть отмечены и такие, как появление веревочных оттисков на стенках сосудов «таежного» стиля (рис. 9: 7), а также присутствие посуды, украшенной в стиле приморских памятников эпохи палеометалла и находящей прямые аналогии либо среди дальнекутской их группы (рис. 8: 10–14), локализованной в бассейне Уссури в среднем ее те-

чении (Гарковик, Ключев 2002; Лынша 2002), либо среди янковских памятников южного побережья (рис. 8: 15) (Окладников 1964; Андреева и др. 1986), однако составляют ли все эти черты единый комплекс с описанными выше типами сосудов, как и с образцами польцевского облика (рис. 8: 1–6), которые здесь также представлены, неизвестно.

Опорным памятником **польцевской культуры** стало поселение Польце-1. Вместе с двумя другими памятниками — Амурский Санаторий и Желтый Яр — оно составило ту основу, на которой разрабатывались практически все вопросы, связанные с ее изучением (Деревянко 1976). Все три поселения расположены в районе слияния Амура и Уссури, причем часто на тех же местах, что и памятники центрально-урильской группы. На северо-востоке Приамурья памятники польцевской культуры не известны. Они хотя и упоминались при ее выделении (Там же: 100), но подробную характеристику так и не получили, при этом почти все остались неопубликованными. В результате, до сих пор неясно, какие памятники этого региона можно считать польцевскими. Спустя годы было раскопано еще несколько поселений (Васильевка-3, Васильевское городище, Венюково, Новотроицкое-12), но все они также расположены по берегам Уссури (Краминцев 2002а, 2002б; Малявин, Краминцев 2008; Шевкомуд и др. 2006). Несколько памятников было открыто в зейско-буреинском междуречье (Алексеевский Бугор, Липовый бугор и др.) (Болотин и др. 1997; Болотин 2005; Мыльникова, Нестеров 2005).

Поселение Польце-1 представляет собой уникальный случай в археологии амурского палеометалла: восемь из десяти раскопанных жилищ этого поселения погибли от пожара, что обеспечило прекрасную сохранность коллекций (Окладников, Деревянко 1970). При сопоставлении его материалов с урильскими в первую очередь бросается в глаза их заметно более развитый облик.

Набор железных изделий значительно расширяется не только количественно, но и по ассортименту. В него входят кельты, ножи, зубила, топоры, стамески, рыболовные крючки, наконечники стрел и копий, шилья, панцирные пластины, пряжки (рис. 10: 1–28). На этом фоне показательно уменьшается количество орудий труда и вообще изделий из камня. Из комплексов исчезают практически полностью каменные шлифованные ножи, которые, по-видимому, в первую очередь замещались металлическими, топоры с теслами (рис. 11: 1–2), тогда как шлифованные каменные наконечники стрел все еще сохраняют свое значение (рис. 11: 4–15). В комплексах также могут встречаться характерные подпрямоугольные точила с отверстием для подвешивания (рис. 11: 3), отщепы и сколы с грубой подработкой ретушью по краю, а также очень редко мелкие ретушированные наконечники стрел или скребки. Бронзовых изделий намного меньше, но все-таки их больше, чем в урильских памятниках, к тому же они отражают уже несколько более поздний этап в развитии бронзового века соседних территорий (рис. 10: 29–32, 33). Из бронзы изготавливались только нашивные украшения. На двух из них представлены криволинейные спиральные узоры (рис. 10: 30, 32), большая их часть — узкие плоские пластинки с зубчатыми длинными краями — форма, весьма распространенная в бронзовых культурах Забайкалья (рис. 10: 29). Из глины изготавливались пряслица (рис. 11: 25), а из стенок сосудов — скребки.

Очень много сохранилось в польцевских жилищах предметов, не связанных с хозяйственной деятельностью, что также является их отличительной чертой по сравнению с урильскими памятниками. Среди таких изделий отмечаются цилиндрические, реже шести- и восьмигранные или бочонковидные каменные бусы, костяные бусы с орнаментом, глиняные бусы (рис. 11: 23–24), нефритовые плоские кольца (рис. 11: 16–18) и их глиняные «заместители», подвески-магатама в форме личинок-зародышей из камня или глины (рис. 11: 24–25), миндалевидные каменные, а также овальные и округлые глиняные подвески (рис. 11: 22), есть также глиняная и каменная пуговицы. Весьма показательны глиняные изделия с носиком, напоминающие по форме ежиков, но в действительности представляющие собой изображение свиньи/кабана и отражающие культ свиньи (рис. 11: 19).

В жилищах на поселении Польце-1 найдены многочисленные остатки костей свиньи, свидетельствующие о ее большой роли в хозяйстве польцевцев, а также козы и рыб. В этом отношении польцевцы — продолжатели урильских традиций, но вот что их существенно отличает от предшественников, это обилие зерен проса, подтверждающее, что земледелие было основой польцевского хозяйства. В литературе также упоминаются находки костей лошади, но роль ее в культуре польцевского населения до конца не ясна.

Существенные перемены произошли и в облике керамической посуды (рис. 6). Она также выглядит гораздо более развитой, что в первую очередь касается температуры обжига и морфологии сосудов. Большая их часть имеет уже резко выраженную профилировку, горловины становятся высокими и даже очень высокими, воронковидные горловины приобретают характерно выгнутые блюдовидные очертания, резко увеличивается в наборе количество мисок и чаш. Стандартизируются приемы формовки, и в целом складывается ощущение, что изготовление польцевской посуды осуществлялось гораздо более «уверенной» рукой. Изменился и характер орнаментов.

Изготавливалась польцевская посуда ленточно-кольцевым налепом, в глину добавляли минеральную примесь, незначительное количество шамота, а в некоторых жилищах встречается посуда, отощенная растительными остатками. Подробная и полная характеристика морфологии и орнамента польцевской посуды уже представлена в литературе (Окладников, Деревянко 1970; Деревянко 1976; Хон Хён У 2008), поэтому здесь целесообразно остановиться только на тех признаках, которые составляют ее специфику. Она проявляется в следующих типах сосудов.

Во-первых, сосуды «польцевского» типа (они же сосуды типа яйёй) (рис. 6: 7–8). Имели сильно раздутое тулово сферических очертаний и узкую вытянутую горловину, приобретающую в верхней части блюдовидно выгнутые очертания. По краю венчика могли украшаться пояском прочерченных линий, также или с использованием рассеченных налепных валиков могла оформляться нижняя часть горловин и основание шейки. Основной узор располагался на плечиках, начиная сразу от линии основания горловины, и представлял собой пояски прочерченных линий, чередующиеся либо с неорнаментированными участками поверхности, либо с такими же поясками волнистых линий, редко — пояс из налепных рассеченных валиков, дополненных жемчужинами. На шейках очень часто сохраняются горизонтальные ряды папиллярных отпечатков.

Во-вторых, резко профилированные сосуды с воронковидно отогнутой или вертикальной горловиной, украшенные только по шейке желобчато-валиковым узором, редко — поясом наlepных рассеченных валиков, тулово оставалось при этом гладким (рис. 6: 11). Могут сохранять ложнотекстильные отпечатки на тулове.

В-третьих, сосуды разной степени профилировки, украшенные по горловинам желобчато-валиковым узором или поясом из наlepных рассеченных валиков, а по тулову горизонтально-поясковыми композициями из оттисков гребенчатого штампа, горизонтальных и волнистых прочерченных линий, могут иметь папиллярные оттиски на придонных стенках (рис. 6: 9–10). Самая распространенная категория сосудов.

В-четвертых, сосуды с высокими прямыми горловинами, вертикальными или в виде раструба, и туловом разной степени профилировки сплошь покрыты техническими оттисками — либо только ложно-текстильным, либо папиллярными в области горловин или дна и ложно-текстильными по тулову, изредка — только папиллярными. Вдоль венчика, в основании горловин, а также по тулову украшались плоскими широкими наlepными валиками с папиллярными оттисками (рис. 6: 12; 9: 12–14).

В-пятых, миски конических очертаний, оформленные по стенкам пальцевыми оттисками, а по обрезу венчика и кромке дна — различного рода вдавлениями.

Сравнивая керамику Польцевского поселения и рассмотренных выше урильских памятников, мы можем четко вычленить тот комплекс признаков, который может лечь в основу дифференциации обеих культур амурского палеометалла и помочь с атрибуцией восточной группы памятников этой эпохи. Что же отличает польцевскую посуду?

Во-первых, это исчезновение всех узоров, восходящих к неолиту: сетки, треугольников, И, Г, Z, М-образных композиций, меандров, — которые составляют урильское своеобразие. Неолитической реминисценцией здесь можно признать лишь наличие единичных сосудов, украшенных вертикальным зигзагом, правда с соблюдением всех польцевских принципов построения декора (Окладников, Деревянко 1970: 278).

Во-вторых, это широкое применение техники гребенчатого тиснения. В западно-урильских памятниках она встречается как исключение и связана с совершенно иным композиционным построением узора (см. гладкостенную разновидность сосудов 2-го типа). Среди центральной их группы тисненные орнаменты, близкие по исполнению к польцевским, имеются (рис. 8: 1–6), но из-за источниковедческих сложностей с пониманием их материалов трудно оценить, насколько широко они здесь представлены и частью каких комплексов являются.

В-третьих, основу польцевской традиции составляют сосуды, украшенные наlepными валиками по горловине и тиснеными узорами на тулове (рис. 6: 9–10). Подобное сочетание в западно- и центрально-урильских памятниках практически не известно.

В-четвертых, это мотив волны, заключенной между горизонтальными поясами оттисков гребенки или прочерченных линий (рис. 6: 7, 9). На урильской керамике такой узор отсутствует. В западно-урильских комплексах волна

встречается крайне редко и совсем в иных композициях: она либо очерчивают снизу орнаментальное поле (рис. 7: 2), либо отростками спускается и поднимается от горизонтального пояса прочерченных линий (рис. 7: 4). В центрально-урильских памятниках волна представлена гораздо чаще: как и на польцевской посуде, она опоясывает здесь тулово сосудов (и часто горловину) горизонтальными рядами, но при этом никогда не сочетается с тисненными гребенчатыми узорами или горизонтальными прочерченными линиями (рис. 7: 8, 9, 10, 12).

В-пятых, это «гофрированные» желобчато-валиковые узоры на горловинах, как и в целом традиция декорировать всю шейку сосуда, а не только ее ограничительные линии. Впрочем в центрально-урильской группе уже появляются сосуды, украшенные по всей поверхности горловин (рис. 7: 8; 8: 7–8; 9: 6, 8–10).

Особое внимание надо обратить на технический декор и сосуды «таежного» стиля в целом. В том, как они представлены в комплексах, можно найти ряд отличий, важных для понимания соотношения урильской и польцевской культур (рис. 9).

В западно-урильском гончарстве только небольшая часть сосудов сохраняла следы технического декора, главным образом ложно-текстильного. Эти же сосуды отличались от остальных сугубо налепным орнаментом, а также некоторыми нюансами формы (см. сосуды 2-го типа). Такая корреляция наводит на мысль, что они представляют здесь некий инородный компонент, обозначенный выше как «таежный». К сожалению, оценить степень его присутствия среди материалов центральной группы не представляется возможным, но мы видели, что здесь «таежная» манера оформления горловин налепными валиками уже сливается с прочерченными неолитоидными орнаментами на тулове (рис. 7: 5–9), хотя есть и сосуды, украшенные только налепными валиками (рис. 9: 6–11).

В польцевском гончарстве роль технического декора была намного более высокой. Его следы так или иначе сохраняются на большинстве сосудов, причем всех типов и независимо от орнаментации, при этом он часто отличается небрежностью исполнения. Кроме того, ведущая роль здесь принадлежит уже папиллярным оттискам, которые на урильской посуде представлены буквально единичными обломками. Наибольший же интерес в плане сопоставления представляют польцевские сосуды 4-го типа, которые украшались помимо технического декора только налепными валиками (рис. 9: 12–14), именно в этой точке пересекаются две рассматриваемые традиции.

Сразу отметим, что и в польцевском гончарстве «таежные» сосуды, украшенные техническим декором и налепными валиками, выступают в качестве отдельного типа с особой морфологией и орнаментацией, но здесь они уже не выглядят как нечто инородное, а являются органической частью единого целого за счет более широкого применения технического и налепного декора. Общей с урильскими сосудами у польцевских оказывается орнаментация налепными валиками вдоль венчика и в основании горловин. Однако на польцевских сосудах очень часто использовался дополнительный прием заполнения пространства горловины между верхними и нижними валиками разными налепными деталями, тот же прием мы видим и на сосудах центрально-урильской группы (рис. 9: 6, 9, 10), а на западе он практически отсутствует. Кроме того, польцевские «таежные» сосуды обязательно украшались по тулову

Рис. 10. Металлические изделия польцевской культуры: кельт (1); ножи (2-3, 34, 36); наконечники копий (4) и стрел (7-14); зубило (5); рыболовные крючки (6, 28); топор (27); шило (26); панцирные пластины (19-25); пряжки (15-18); украшения (29-33, 35). 1-28, 36 — железо; 29-35 — бронза. 1-32 — поселение Польце-1 (по Деревянко 1976); 33 — Амурский Санаторий (по Окладников 1963). 33 — без масштаба.

Fig. 10. Metal artifacts of the Poltse culture: celt (1); knives (2-3, 34, 36); spear (4); arrowheads (7-14); chisel (5); fish-hooks (6, 28); axe (27); awl (26); armour blades (19-25); buckles (15-18); ornaments (29-33, 35). 1-28, 36 — iron; 29-35 — bronze. 1-32 — Poltse-1 (after Derevyanko 1976); 33 — Amurskiy Sanatoriyy (after Okladnikov 1963). 33 — no scale.

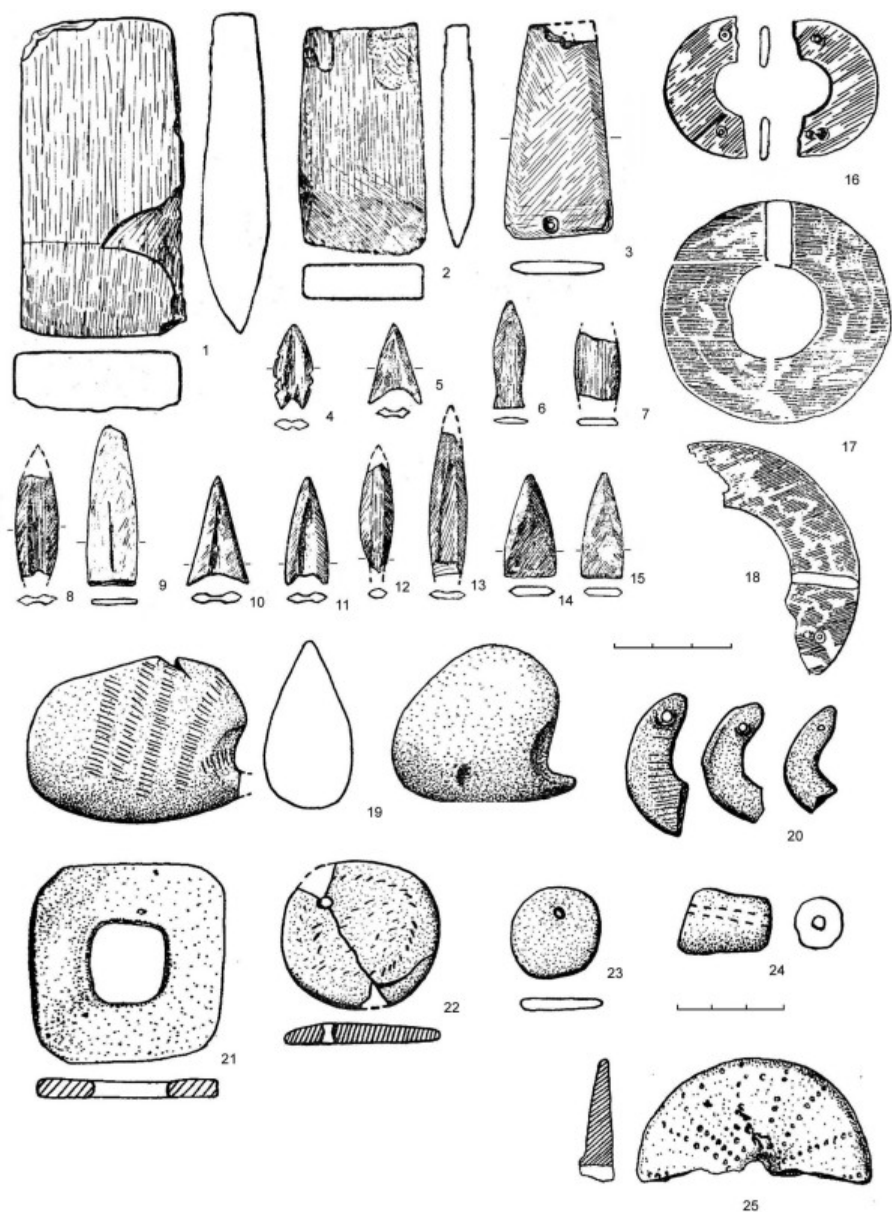

Рис. 11. Каменные и глиняные изделия поселения Польце-1 (по Деревянко 1976): топоры (1–2), точило (3); наконечники стрел (4–15); кольца (17, 21); подвески-магатама (16, 18, 20); фигурки «кабанчики» (19); бусины (23–24); подвеска (22); пряслице (25). 1–15, 17–19 — поселение Польце-1. 19–25 — глина; 16–18 — нефрит.

Fig. 11. Stone and clay articles of Poltse-1 (after Derevyanko 1976): axes (1–2); whetstones (3); arrowheads (4–15); rings (17, 21); magatama pendants (16, 18, 20); «boar» figurines (19); beads (23–24); pendant (22); spindle whorl (25). 19–25 — clay; 16–18 — nephritis.

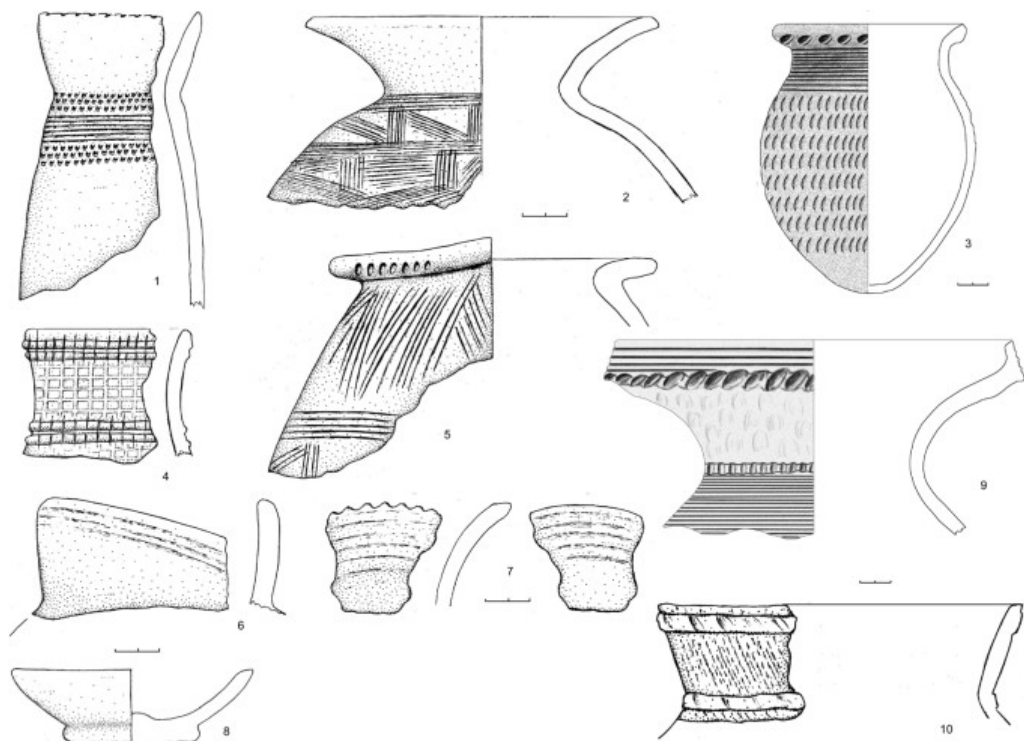

Рис. 12. Керамика поселения Желтый Яр. 1, 2, 4 — раскопки 1967 г., остальное — раскопки 2008–2010 г. 3, 9 — керамика позднего горизонта.

Fig. 12. Pottery from Zhelty Yar. 1, 2, 4 — excavation of 1967, the rest — excavation of 2008–2010. 3, 9 — Late Horizon.

серией разреженных наlepных валиков, тогда как для урильских специфичны наlepные детали в виде «усиков», спускающихся на плечики сосудов (рис. 9: 1); валики, опоясывающие тулово, здесь встречаются редко (рис. 6: 3; 9: 6). Отличались и сами валики, польцевские представляли собой широкие плоские ленты, которые придавливались к поверхности пальцами, а урильские — тонкие и оформлялись оттисками стеков, причем специфический урильский прием — оттиск стека, захватывающий в один прием сдвоенные валики.

В целом, сравнивая этот общий для польцевцев и урильцев тип сосудов, мы видим, с одной стороны, вполне очевидные различия, с другой стороны, их вполне можно принять за проявление одной и той же традиции — «таежной».

Отдельного рассмотрения заслуживают материалы **поселения Желтый Яр**. Оно традиционно относилось к раннему этапу польцевской культуры, и на его материалах обычно рассматривался процесс ее формирования (Деревянко 1976). Но не только это определяет особый к нему интерес. В его коллекции оказались представлены признаки, объединяющие польцевскую культуру с близкими ей памятниками ольгинской культуры Приморья. Вместе с ранней

хронологией Желтого Яра эти наблюдения позволяли предполагать, что происхождение приморских памятников связано с постепенным продвижением польцевцев в Приморье с территории Амура. Этим же вектором движения объяснялись и просто поразительные по своей детальности совпадения польцевцевской керамики Приамурья и керамики культуры яёй Японского архипелага (Там же). В то же время во всех этих построениях имелись и существенные пробелы: отсутствие ^{14}C датировок, подтверждающих ранний возраст Желтого Яра, и ярко выраженное своеобразие ольгинских памятников, не объяснимое исходя из материалов польцевцевской культуры (Андреева 1977).

В последние годы были проведены повторные раскопки этого очень важного для амурской археологии памятника (Яншина 2010). В результате удалось установить, что на этом поселении представлены два разновременных горизонта, соотносимых с польцевцевской культурой. С ранним связано одно из жилищ, раскопанных А. П. Деревянко в 1960-х гг. (Деревянко, Глинский 1972), а также переложенные материалы из раскопов 2008–2010 гг., а с поздним — жилища из последних раскопок. Оба комплекса очень интересны, так как один из них имеет прямое отношение к проблеме дифференцирования урильской и польцевцевской культур, а другой — к соотношению польцевцевских и ольгинских памятников.

К сожалению, облик коллекции раннего горизонта остается не вполне понятным. Набор находок в раннем жилище, как и в поздних, представлен главным образом керамической посудой, помимо нее в нем найдены скребки из стенок керамических сосудов, несколько орудий типа мотыг с минимальной обработкой, отбойник, несколько галек со сколами неясного назначения, обломок зернотерки, несколько грубо оббитых рубящих орудий, единичные зубы животных и ложило из куска охры (Там же). Набор очень скудный и вполне сопоставимый по составу находок с теми из жилищ Польцевского, что были оставлены в спокойной обстановке, а не сгорели во время пожара. Кроме того, он практически полностью повторяет набор изделий из поздних жилищ, раскопанных в 2008–2010 гг., поэтому не ясно, почему так различается в этих жилищах керамика. Возможно, это говорит о том, что ранние и поздние польцевцевские памятники с точки зрения орудийного набора уже мало чем отличались друг от друга.

В раннем жилище были найдены сосуды типа пиал с желобчато-валиковым или пальцевым орнаментом, в том числе с выступами на дне (рис. 12: 8), крупные хорошо профилированные емкости, украшенные либо только желобчато-валиковым орнаментом по горловине, либо только по плечикам широким поясом прочерченных (треугольные или арочные мотивы) (рис. 12: 2, 5) или тисненых (горизонтально-поясковые композиции) узоров (рис. 12: 1). Вся эта посуда находит себе прямые аналогии в материалах Польцевского поселения, представлена она в виде мелкообломочного материала и в раскопках 2008–2010 гг., причем по характеру залегания в слое она отличается от керамики позднего облика (см.: Яншина 2010). Кроме того, в раннем жилище найдено большое число сосудов «таежного» стиля, причем как в урильском (рис. 12: 4), так и в польцевцевском его исполнении (рис. 12: 10), последние значительно преобладают. Принадлежность этой группы сосудов к раннему или позднему комплексу находок по переложенным материалам из раскопок 2008–2010 гг. однозначно определить не удалось.

Анализируя все перечисленные виды сосудов как единый комплекс, можно отметить, что в нем, несмотря на общее сходство с коллекцией Польцевского поселения, есть и существенные отличия от него.

Во-первых, здесь отсутствует самый специфичный польцевский узор — волна, очерченная сверху и снизу горизонтальными линиями, вместо него представлены узоры из ломаных прочерченных линий (рис. 12: 2, 5).

Во-вторых, на сосудах «таежного» стиля помимо папиллярных и ложно-текстильных оттисков здесь очень часто встречаются оттиски колотушки, обмотанной веревкой, не известные в материалах Польцевского поселения (рис. 12: 10). На этих же сосудах на кромках венчиков часто встречаются оттиски пальцев, иногда со следами ногтей, которые являются признаком, отличающим западные уральские памятники от поселения Польце-1.

В-третьих, здесь не представлено сочетание налепного декора на горловинах с узорами из оттисков и прочесов гребенки на тулове, которое, как мы помним, определяет своеобразие керамики поселения Польце-1 (рис. 6: 9–10), в Желтом Яре налепной орнамент связан только с сосудами «таежного» стиля. Свообразие его коллекции составляют сосуды, украшенные по тулову горизонтально-поясковыми узорами и не имеющие орнамента на горловинах совсем, либо украшенные только вдавлениями по обрезу венчика (рис. 12: 1, 2).

В-четвертых, ни в иллюстрациях, ни в описаниях находок из раннего жилища не отмечаются сосуды польцевского типа. Как показали исследования 2008–2010 гг., фрагменты блюдовидных горловин от таких сосудов, которые ранее исследователи считали составной частью единого желтоярковского комплекса, в действительности связаны с поздним этапом заселения памятника (рис. 12: 9). Конечно, нельзя исключить, что по крайней мере некоторые из сосудов с такими горловинами входили и в состав раннего комплекса, но доказать это пока также невозможно. Облик же всех горловин такого типа, найденных во время работ 2008–2010 гг., поздний, — все они имеют резкий уступ на венчике и находят аналогии в ольгинской культуре (рис. 6: 13) (Хон Хен У 2008; Яншина 2010).

Впрочем, неизвестно, можно ли считать отсутствие сосудов польцевского типа в ранней коллекции памятника его специфической чертой или же это лишь результат ее невысокой репрезентативности. Такой вопрос возникает еще и потому, что керамика раннего горизонта Желтого Яра со всеми своими отличиями находит себе полные аналогии в материалах поселения у Амурского Санатория, однако там представлены и сосуды польцевского типа вместе с характерными для них узорами и формами (Яншина 2006).

Находки, сделанные в поздних жилищах, одинаковы. Среди орудий труда железные ножи (по одному в каждом жилище), мотыги и мотыжки (все во втором жилище), тесла, изготовленные из камня подходящей формы и практически не имеющие следов какой-либо обработки (по одному в каждом жилище), шлифовальный камень и бусина (в первом жилище), в большом количестве — керамические скребки (в каждом жилище). Очень интересна находка ложила, изготовленного из куса охры малинового цвета. Керамика очень однообразна, преимущественно плохой сохранности.

Чаще всего встречаются емкости небольших размеров с плавно вогнутой горловиной, яйцевидным туловом и сравнительно узким плоским дном.

Венчики этих сосудов с внешней стороны украшались либо валиком с вдавлениями, либо просто глубокими пальцевыми вдавлениями. Далее вниз поверхность оформлялась двояко. Либо сплошь покрывалась пальцевыми оттисками, обычно неаккуратными и затертыми, либо тем или иным способом (отсутствием декора, прочерченными сплошь горизонтальными линиями, редко — ногтевыми оттисками) выделялась горловина сосудов, а тулово — по плечикам или по всей выпуклой его части — горизонтальными рядами овальных, редко ногтевых, пальцевых или ложнотекстильных оттисков (рис. 12: 3). Следующие по частоте встречаемости сосуды выполнены в «таежном» стиле и аналогичны тем, что найдены в раннем жилище. От сосудов третьего типа сохранились только обломки верхних частей. Это были крупные емкости с высокими плавно вогнутыми горловинами и блюдовидно отогнутыми венчиками с Г- или Т-образными наlepными уступами по обрезу. Горловины были оформлены сплошным поясом прочерченных линий, а по внутренней части горловин в верхней их части шли пальцевые оттиски. Как украшалось тулово, не известно (рис. 12: 9).

Даже самое поверхностное сопоставление керамики позднего желтоярвского комплекса позволяет сразу и безошибочно определить его коренные отличия от материалов всех польцевских памятников, рассмотренных выше и определяющих «лицо» польцевской культуры в целом. Ни одного специфически польцевского признака в этой коллекции не представлено, за исключением сосудов «таежного» облика, но место их среди двух комплексов Желтого Яра пока не определено окончательно.

Форма и декор сосудов первого типа находят наиболее прямые аналогии в памятниках ольгинского круга в Приморье (Сенькина Шапка, Булочка, Новогордеевское селище, Синие Скалы, Малая Подушечка, Рудановское городище и др.) (Андреева 1977; Коломиец 2001; Хон Хён У 2008). Аналогии эти столь очевидны, что детально обосновывать их представляется нецелесообразным: это и общая форма сосудов, и оформление венчиков наlepным «перевитым» валиком, и декоративное акцентирование горловин (отсутствием декора или поясом горизонтальных прочерченных линий), и узор на тулове в виде горизонтальных оттисков овальной формы или ногтя (не гребенки!), и использование для оформления тулова ромбовидного ложнотекстильного декора (рис. 6: 15–16). Эти сосуды и там, и там составляли основу комплексов и использовались в качестве кухонных. Единственное, что можно отметить, для Приморья в целом более характерны ложно-текстильные отпечатки, а не папиллярные, как в Желтом Яре. Второе направление аналогий — памятники михайловского круга на Среднем Амуре, близкие к ольгинским стадияльно, но по сравнению с желтоярвскими они выглядят более поздними (Болотин 2005).

Форма и декор сосудов третьего типа также аналогичны приморским, причем совпадения детальные. В то же время их вполне можно представить как дальнейшее развитие сосудов польцевского типа, являющихся «визитной карточкой» Польцевского поселения. В отличие от последних желтоярвские сосуды, как и ольгинские, были украшены по всей горловине широким поясом прочерченных борозд и больше никакого иного декора на тулове не имели, за исключением технического (рис. 6: 13–14). У польцевских украшались и горловина, и тулово сосудов, на горловине узор располагался у ее основания

и представлял собой бордюр из горизонтальных линий, выполненных в прочерченной и наклепной технике, на плечиках отмечаются пояски прочерченных и очень редко — тисненых узоров (рис. 6: 7–8). По моим наблюдениям, а также по данным Хон Хён У (2008), на сосудах польцевского типа гораздо проще — без уступа — оформлялись венчики, часто они имели желобчато-валиковое оформление.

Характеризуя позднюю керамику поселения Желтый Яр, нельзя не отметить ее более поздний облик по сравнению с керамикой Польцевского поселения. Это проявляется в высокой степени стандартизации гончарства, сокращении общего числа форм до трех, обращает внимание почти полное исчезновение столовой посуды, значительно упрощается и обедняется декор, в исполнении его наблюдается крайняя небрежность. Те же тенденции отмечаются и для керамики ранне-средневековых культур Дальнего Востока — мохэской и михайловской.

Таким образом, мы видим, что материалы поселения Желтый Яр еще больше усиливают разнообразие памятников амурского палеометалла, демонстрируя два комплекса, в разной степени близких к материалам поселения Польце-1.

Наконец, наступило время самых сложных для понимания памятников, расположенных на **северо-востоке Приамурья**. Интересно, что здесь их, как и в эпоху неолита, больше, чем в западных районах, и в целом, судя по многообразию комплексов, события здесь представляются более динамичными и бурными. По данным В. И. Дерюгина (2009а), здесь, помимо коппинских, выделяется еще семь типов керамических комплексов, каждый с самостоятельным набором признаков: соргольский, большебухтинский, какорминский, Змейка, эворонский, урило-польцевский и тумнинский. Совершенно нет возможности подробно останавливаться на характеристике каждого из них, поэтому отметим только те, которые важны для понимания характера распространения на этой территории польцевских и урильских традиций. В этом отношении представляют интерес комплексы с керамикой какорминского и эворонского типа, которые являются прямым продолжением событий, разворачивавшихся на западе региона, остальные хотя и имеют признаки польцевского или урильского влияния, но все-таки отражают события амуро-сахалинской историко-культурной зоны и нуждаются в отдельном рассмотрении.

Керамику **какорминского типа** можно встретить почти на всех многослойных объектах северо-восточного Приамурья. Памятники, с ней связанные, приурочены к берегам Амура и его притоков, а также крупным озерам. Самыми яркими их представителями можно считать поселение у с. Максим Горький, раскопанное еще в 1960-х гг. и атрибутированное как урильское (Деревянко 1973), а также недавно раскопанные поселение Нижнетамбовское-2 (Косицына и др. 2006) и могильник Нижнетамбовский (Бочкарева и др. 2006; Шевкомуд и др. 2007). Из других часто упоминаемых в литературе памятников — Кальма, Большой Дурап, Тахта, Хумми, Кондон, Сучу, Малая Гавань, Старая Какорма-1, Змейка-1, Чля-1, Угольная и др. Главной отличительной чертой какорминской керамики можно считать органичное сочетание польцевских и урильских черт, не случайно у исследователей возникает столь много проблем с их атрибуцией.

Характер инвентаря определяется по материалам поселений Нижнетамбовское-2, Максим Горький и Нижнетамбовского могильника. Металлические изделия представлены обломком железного ножа (М. Горький) (рис. 13: 3), сери-

ей сильно корродированных железных предметов, среди которых угадываются обломки ножей и стержней (скоб?) (Нижнетамбовский могильник), а также тремья бронзовыми бусинами (М. Горький), из которых две дольчатые и одна бочонковидная (рис. 13: 2). Облик металлических предметов более соответствует изделиям урильской культуры. Бронзовые пронизки аналогичной формы известны в материалах Сухих Проток-2 (рис. 4: 5), а железные ножи по форме отличаются от польцевских и больше напоминают нож с о. Урильского (рис. 4: 12). В одном из погребений Нижнетамбовского могильника найден уникальный железный меч, прямой, обоюдоострый, с выделенным ребром жесткости и приостренным хвостовиком (Шевкомуд и др. 2007). Длина сохранившейся части 62 см, клинка 52 см, ширина клинка 3,5 см (рис. 13: 1). По своему совершенству этот меч, конечно, абсолютно выбивается из металлических изделий урильского круга, и с этой точки зрения он в гораздо большей степени соотносится с более развитым инвентарем польцевской культуры.

Среди каменных орудий упоминаются единичные шлифованные наконечники стрел, ножи (рис. 13: 5) и тесла, мотыги из галек с минимальной обработкой, гальки со сколами, точила удлиненной формы с отверстием в торцевой части (рис. 13: 4), терочник и обломок куранта, лощило, ретушированные вкладыши и наконечники стрел, грузила для сетей, глиняные и каменные украшения, кольца (рис. 13: 10), привески, бусины (рис. 13: 11–12), в том числе магатама (рис. 3: 7–9), а также много мелких изделий из глины, среди которых определяются фигурки с носиком — «кабанчики» (рис. 13: 13–14). В целом набор, типичный для памятников дальневосточного палеометалла. Наличие большой серии изделий неутилитарного назначения, и в том числе таких, как магатама и фигурки с носиком, сближает какорминские памятники с польцевской культурой.

Какорминская керамика по общему уровню похожа на посуду буреинских стоянок, здесь нет крупных тарных емкостей и столовой посуды, краснолощенные сосуды есть, но они представлены буквально единичными емкостями (рис. 14: 4, 9), обжиг хуже, чем в польцевском гончарстве, более соответствуют урильским и формы сосудов. Отличительной чертой восточных памятников можно считать наличие обильного нагара на поверхностях сосудов и использование в качестве отошителя речного окатанного песка.

Состав коллекции определяют кухонные сосуды, большая часть которых так или иначе отмечена элементами «таежной» стилистики, что проявляется в почти обязательном присутствии в декоре горловин налипных деталей, а также широком применении технической обработки поверхностей сосудов (рис. 14).

Какорминские сосуды-«таежники» близки по исполнению к буреинским. Они бывают как гладкостенные, так и с ложно-текстильным декором, который отличает аккуратность и нередко ромбическая форма ячеек. Валиками оформлялись либо только основание горловины, либо основание горловины и венчик, а также тулово, в том числе в виде спускающихся «усиков». Валики узкие, часто располагались поясками и отсекались одним «захватом» инструмента. Своеобразие проявляется в том, что валикам часто придавалась волнистая форма. Вдавления стека нередко могли заменять валики на горловинах или дополнять их (рис. 14: 10), для рассечения валиков часто использовался край раковины (рис. 14: 11). Пространство между верхним и нижним валиками могло заполняться налипным и тисненым узором (рис. 9: 5), что уже больше

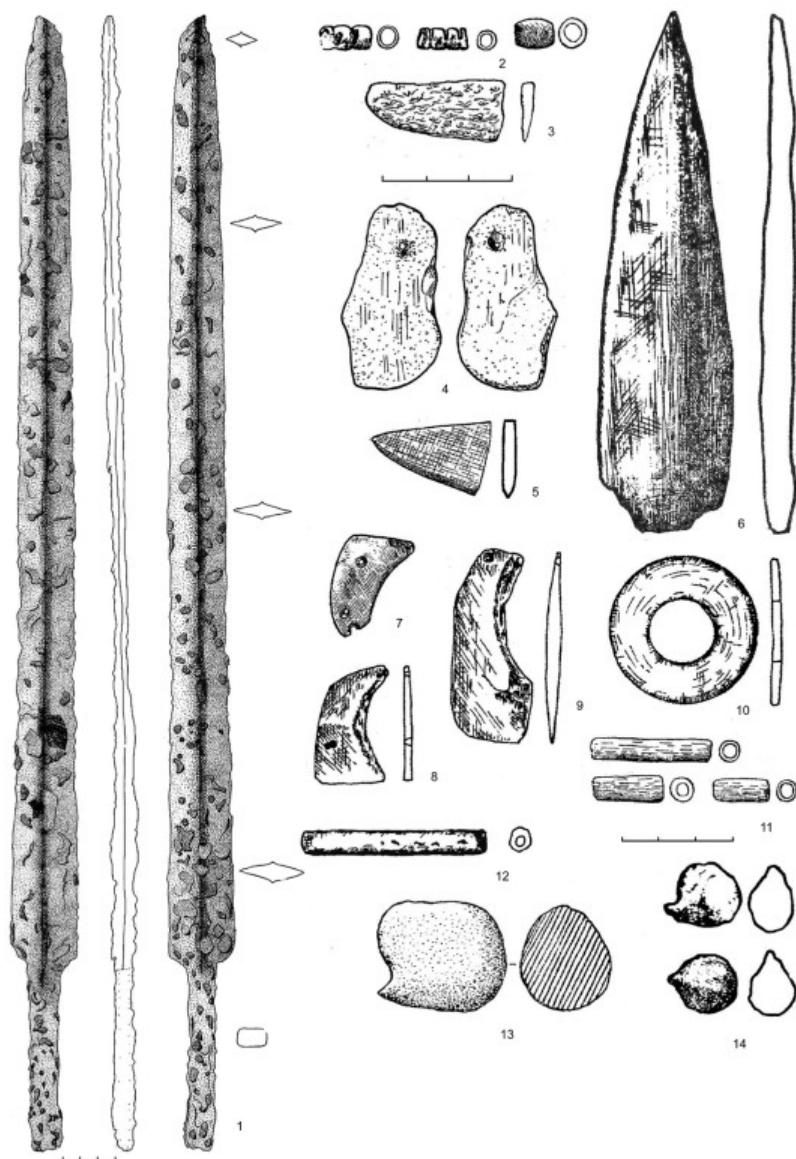

Рис. 13. Инвентарь памятников с керамикой какорминского типа. 1 — меч; 2, 11, 12 — бусины; 3, 5 — ножи, обломки; 4 — подвеска; 6 — копье; 10 — кольцо; 7–9 — подвески-магатамы; 13 — фигурки-«кабанчики». 1, 3 — железо; 2 — бронза; 4–6, 10–12 — камень; 7 — нефрит; 13–14 — глина. 2–4, 6–7, 11, 13–14 — Максим Горький (по Деревянко 1973); 1, 8–10, 12 — Нижнетамбовский могильник (по Бочкарева и др. 2006; Шевкомуд и др. 2007).

Fig. 13. Inventory of the sites with Kakorminsky pottery. 1 — sword; 2, 11, 12 — beads; 3, 5 — fragments of knives; 4 — pendant; 6 — spear; 10 — ring; 7–9 — magatama-pendants; 13 — «boar» figurines. 1, 3 — iron; 2 — bronze; 4–6, 10–12 — stone; 7 — nephritis; 13–14 — clay. 2–4, 6–7, 11, 13–14 — Maksim Gorkiy (after Деревянко 1973); 1, 8–10, 12 — Nizhnetambovsky cemetery (по Бочкарева и др. 2006; Шевкомуд и др. 2007).

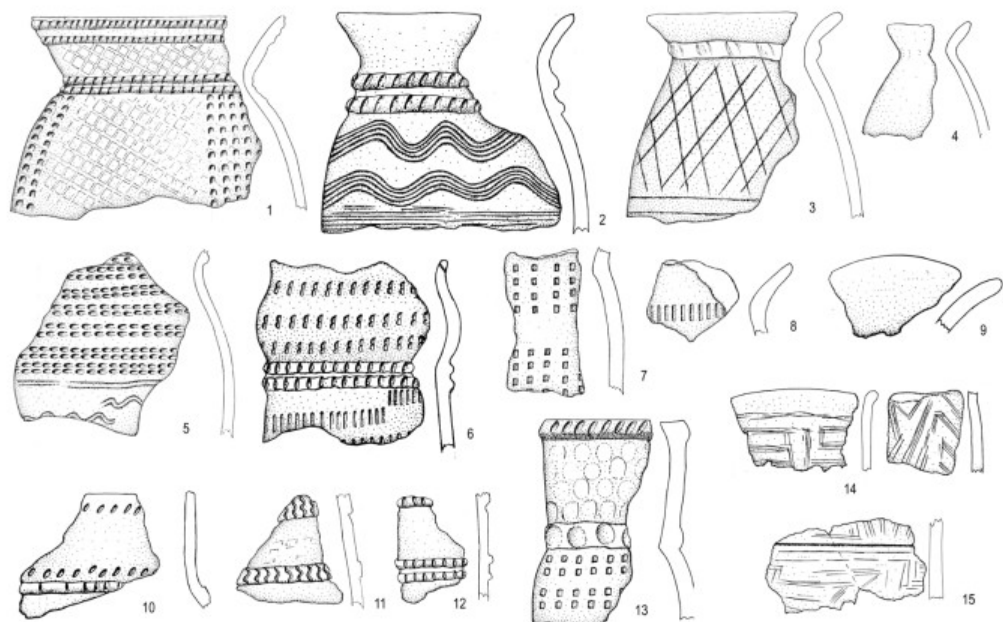

Рис. 14. Керамика какорминского типа. 1–13, 15 — Максим Горький; 14 — Хумми.

Fig. 14. Kakorminsky type pottery. 1–13, 15 — Maksim Gorkiy; 14 — Khummi.

соотносится с польцевской манерой украшения горловин. Аналогичные черты, кстати, встречаются в оформлении «таежных» сосудов центрально-урильской группы памятников (рис. 9: 6, 8; 8: 7–8). Можно даже говорить, что в этой части коллекций последние практически идентичны какорминским.

Классических польцевских «таежных» сосудов — с широкими наклепными валиками, опоясывающими тулово сосудов в нескольких местах, — здесь нет. Но есть сосуды, у которых горловины оформлены «по-польцевски», они высокие, прямые, покрыты папиллярными или веревочными оттисками и украшены широкими плоскими валиками, прижатыми пальцами, а на тулове у них не наклепной декор, а ряды гребенчатых оттисков (рис. 14: 13). Само сочетание наклепного декора на горловине и горизонтально-поясковых гребенчатых композиций на тулове — типично польцевское, но в материалах поселения Польце-1 и близких к нему памятников сосуды-«таежники» с плоскими наклепными валиками никогда не сочетались с такими видами узоров. Сосуды с горизонтально-поясковым орнаментом на тулове украшались по горловинам совсем другими валиками — узкими, подтреугольными в сечении, рассеченными стеками, к тому же эти валики занимали скорее среднюю часть горловины, а не подчеркивали ее ограничительные линии, как мы это наблюдаем у классических сосудов-«таежников» (ср.: рис. 6: 9–10 и рис. 6: 12).

Очень своеобразно соединение польцевских и урильских элементов в оформлении «таежной» посуды, например, когда валики опоясывали гор-

ловину, а «усики», спускающиеся на тулово, исполнялись тиснением (рис. 14: 1), или когда налепные «усики» налагались на прочерченные узоры (Косицына и др. 2006: рис. 4, 5). В целом, в материалах этих памятников встречается много примеров такого синкретизма.

Прочерченные узоры на тулове какорминских сосудов повторяют центрально-урильские: косая сетка, ряды волнистых линий; в коллекциях Максима Горького, Нижней Тамбовки, Нижнетамбовского могильника и Хумми есть сложнофигурные орнаменты, правда на отдельных черепках (рис. 14: 14, 15). Западно-урильские «плетенки» здесь почти не встречаются. Типичные польцевские орнаменты представлены узорами, в которых задействованы техника гребенчатого тиснения и принцип чередования поясков из гребенчатых оттисков и прочерченных волнистых или прямых линий (рис. 14: 2, 5; см. также Дерюгин 2009а: рис. 3: 2–3, 6, 9 и др.). Очень оригинальны композиции, в которых горизонтально-поясковые узоры выполнялись чередованием прочерчивания и тиснения, когда часть линий в пояске выполнялась в гребенчатой технике, а часть — прочерчиванием, при этом использовался один инструмент.

Итак, с одной стороны, отсутствие классических польцевских сосудов «таежников», с другой, наличие типичных урильских «таежников», хотя и с некоторым искажением, причем искажение это в основном связано с соединением налепного декора с прочерченным и тисненным, что почти полностью отсутствует в западно-урильских комплексах, но типично для польцевских. Строго говоря, размах искажений таков, что отделить в какорминских памятниках посуду, выполненную в «таежном» стиле, от всей остальной почти невозможно. Важно также отметить, что смещение в этом направлении мы наблюдаем еще в центрально-урильской группе памятников.

Таким образом, мы видим, что интерпретация комплексов какорминского типа как урильских не вполне оправдана. Хотя технологически и по морфологии какорминская посуда действительно более близка к урильской, очевидно, что в ней присутствуют и польцевские черты. При этом видно, что урильские признаки представлены здесь двумя компонентами: центрально-урильским (прочерченные орнаменты) и общеурильским (краснолощенная посуда, а также сосуды «таежного» стиля, более всего близкие к керамике буреинских стоянок). Польцевское «влияние» прослеживается и в керамике, и в инвентарном комплексе, причем в керамике мы скорее имеем дело лишь с некоторыми польцевскими «принципами» построения декора.

Безусловно, в материалах многочисленных восточных памятников можно встретить классическую польцевскую керамику, но, к сожалению, пока она происходит главным образом со случайных и плохо стратифицированных объектов. Насколько далеко на восток она распространяется, пока также не понятно. Выяснение ее места в кругу восточных памятников имеет большой интерес, в том числе и в плане понимания природы какорминской группы.

Керамика **эворонского типа** первоначально была зафиксирована в раскопках Дальневосточной археологической экспедиции (Медведев 2003). Морфология и орнаментация этой посуды в деталях совпадает с керамикой позднего комплекса Желтого Яра, отличительная черта — малочисленность сосудов с блюдовидными горловинами и волнистые валики, ограничивающие отдельные орнаментальные зоны. Наиболее изученным памятником с керамикой

данного типа на востоке Приамурья можно считать поселение Малмыж, где было полностью раскопано жилище (Дерюгин 2009б). Помимо посуды здесь найдены несколько рубящих орудий и грузил, костяная цилиндрическая бусина, фрагмент неопределимого изделия из чугуна (?) и железный нож; здесь же собраны кости рыб и зерна культурного проса. Еще одно жилище с эворонской посудой находится на берегу оз. Хумми, оно было раскопано З. С. Лапшиной, но материалы его не опубликованы (коллекции № 8822, 8893, 10179, 10155 краеведческого музея г. Комсомольска-на Амуре). По данным В. И. Дерюгина, памятники такого типа распространены на северо-востоке Приамурья достаточно широко (Дерюгин 2009а).

Итак, сравнительная характеристика памятников урило-польцевского круга свидетельствует о сложности и многообразии культурных процессов, протекавших в Приамурье в эпоху палеометалла. По их материалам выделяется как минимум несколько типологически обособленных керамических комплексов, отражающих существование внутри данного культурного единства более мелких групп населения: западно-урильский, центрально-урильский, польцевский (поселение Польце-1), желтоярковский (н/к Желтого Яра), эворонский (в/к Желтого Яра) и восточный урило-польцевский (какорминский). Наша задача понять, чем обусловлены эти различия.

Обращаясь к **хронологии**, необходимо отметить, что пока данных для ее разработки недостаточно. Случаи перекрытия горизонтов с остатками урильских и польцевских жилищ практически отсутствуют, те из них, что упоминаются в литературе, не могут использоваться ввиду неясности типологических характеристик перекрывающихся комплексов. Радиоуглеродный банк датировок невелик, но главное, что с большинством из них до сих пор не связаны археологические комплексы с ясными типологическими характеристиками. Метод аналогий также мало что дает ввиду все тех же проблем с определением состава находок в комплексах, а кроме того в ближайшем окружении расположены только слабо исследованные в археологическом отношении территории. Умозрительные эволюционные построения вообще непродуктивны в ситуации динамичного межкультурного взаимодействия на стыке совершенно разных с точки зрения социально-экономического развития культурных миров.

Для западно-урильских памятников наиболее понятной можно признать дату с о. Урильского, которая определяет время их существования IX–VIII вв. до н. э. (Дервянко 1973) (табл. 2; рис. 3). Результаты датирования Сухих Проток-2 очерчивают два временных интервала: XII–IX вв. и IX–VIII вв. до н. э., но ни стратиграфически, ни планиграфически, ни типологически расчленить материалы памятника на два разновременных комплекса не удалось (Гребенщиков и др. 1988; Гребенщиков, Дервянко 2001). По сравнению с коллекцией о. Урильского здесь в гораздо более значимом виде представлен «таежный» компонент, а красноощенная посуда отсутствует.

Совсем сложно с центрально-урильскими памятниками. Радиоуглеродные даты Кочковатки очерчивают два интервала: IX–VIII вв. и VII–IV вв. до н. э. Все образцы были собраны в одном жилище, которое принято считать более поздним в рамках урильской культуры, а разделить его коллекцию типологически соотносительно с имеющимися датами не получилось (Гребенщиков, Дервянко 2001: 73). Для жилищ 2 и 3 датирование не проводилось, но их материалы

считаются раннеуральскими. Информация о том, чем отличается более поздний уральский горизонт памятника от более раннего, в литературе отсутствует. Таким образом, достоверно уральскими можно считать, по-видимому, только ранние датировки, они же совпадают с датой на о. Уральском.

Одна дата получена для поселения Бензобаки, где были зафиксированы и уральские, и польцевские жилища, раскапывались только первые (Гребенщиков, Деревянко 2001: 73). Материал опубликован суммарно и очень кратко, но можно, в целом, считать его действительно ранним. Однако дата получена по коллагену из остеологического материала, поэтому возраст XI–IX вв. до н. э. трудно сравнивать с датами, полученными по углю.

Исходя из всего этого, мы можем говорить, что уральские комплексы, содержащие краснолощеную посуду, появляются одновременно к западу и к востоку от Малога Хингана в IX–VIII вв. до н. э., а «плетеные» орнаменты и посуда «таежного» облика — возможно раньше на западе. В определенной степени это подтверждается датировками янковских памятников Приморья, начало существования которых по сумме признаков относится к IX–VIII вв. до н. э. (Андреева и др. 1986). Если эти рассуждения верны, то своеобразие центрально-уральского комплекса может иметь не хронологическое, а иное объяснение.

Определить финал существования уральских памятников исходя из них самих невозможно, их количество слишком ограничено, а инвентарные комплексы не демонстрируют какой-либо динамики. Это может сигнализировать о том, что их существование было скоротечным или прервано какими-то событиями.

Еще больше проблем с датированием польцевских памятников.

Для поселения Польце-1 получены три ^{14}C даты, наиболее ранняя из которых сейчас не принимается во внимание, а другие две попадают в интервал VIII–IV вв. до н. э. Основная проблема с их интерпретацией состоит в том, что комплекс металлических и керамических изделий памятника имеет явно более поздний облик. Наверное, не случайно, что, несмотря на эти даты, памятник относят к более позднему времени: V в. до н. э. (Гребенщиков, Деревянко 2001: 72), IV в. до н. э. (Деревянко 1976) и даже II в. до н. э. (Хон Хе У) и I в. до н. э. (Usuki 1995: 28).

Если придерживаться того понимания польцевского комплекса, который изложен в данной работе, то все польцевские памятники, во-первых, сконцентрированы в районе слияния Амура и Уссури, во-вторых, все они отличаются высоким уровнем развития гончарного производства, сопоставимым с материалами поселения Польце-1, и, в-третьих, все они имеют датировки в районе рубежа эр: Венюково-1 (Малявин, Краминцев 2008), Васильевка-3 (Краминцев 2002б), Васильевское городище (Краминцев 2002а), Новотроицкое-12 (Шевкомуд, Яншина 2012) (рис. 3). Еще два памятника с аналогичными датами расположены в Зейско-Беринском междуречье: Алексеевский бугор (Болотин и др. 1998) и Липовый бугор (Болотин 2005). Керамические комплексы всех этих памятников так или иначе отличаются от материалов поселения Польце-1, но в целом они, безусловно, образуют с ним единую группу.

Вполне возможно поэтому, что ^{14}C датировки поселения Польце-1 действительно не соотносятся с материалами, отложившимися в котлованах, и оно должно быть датировано ближе к остальным похожим на него памятникам — концом 1-го тыс. до н. э. Не исключено, что в материалах памятника

действительно присутствовал какой-то более ранний компонент, что сейчас уже не отследить. Но в этом случае возникают большие проблемы с происхождением польцевской культуры, так как ранние ее варианты нам просто не известны. Поселения Желтый Яр (ранний горизонт) и Амурский Санаторий, наиболее интересные с этой точки зрения, ^{14}C датировок не имеют, и некоторое своеобразие их керамических коллекций не обязательно должно иметь хронологическое объяснение.

Для решения этого вопроса могут представлять интерес восточные памятники с керамикой какорминского типа. Синкретизм урильских и польцевских признаков, отличающий их, нередко трактовался исследователями как свидетельство принадлежности их к начальному этапу формирования польцевских традиций (см., например, Шевкомуд и др. 2007). Между тем серия радиоуглеродных датировок довольно компактной группой очерчивает интервал их бытования в пределах VIII–IV вв. до н. э., что полностью соответствует датам поселения Польце-1 (рис. 3). Если принять для последнего позднюю датировку, то тогда предположения исследователей становятся более оправданными, но возникает вопрос, могла ли польцевская культура с ее развитым земледельческим хозяйством и столь же развитым комплексом железных изделий вырасти из культуры населения, обитавшего в отдаленных таежных районах Приамурья на землях, мало пригодных для занятий земледелием. Конечно, присутствие в какорминских комплексах польцевских элементов можно интерпретировать и как результат заимствования. Но если принять позднюю дату для поселения Польце-1, то заимствовать что-либо было просто не у кого — других памятников с датами VIII–IV вв. до н. э. на среднеамурской низменности нет (если не считать неясного комплекса Кочковатки). Все это, конечно, составляет большую проблему.

Таким образом, если подходит к ситуации строго, то мы можем пока говорить лишь, что польцевский комплекс признаков, как минимум, в восточном «усеченном» варианте существовал в Приамурье пределах от VIII в. до н. э. до IV в. н. э., а в классическом, представленном памятниками типа Польце-1, — на рубеже эр.

Возраст комплексов с керамикой эворонского типа определяется ^{14}C датами из поздних жилищ поселения Желтый Яр в пределах I–VII вв., что в целом соответствует их ольгинским и михайловским аналогиям. Аналогичную датировку предлагает для них и В. И. Дерюгин (2009а). В то же время очевидно, что разброс дат на поселении Желтый Яр слишком велик и отражает два интервала: I–IV вв. и IV–VII вв., при этом ранний перекрывается с датами польцевских и ранних ольгинских памятников, а поздний — с датами поздних ольгинских и михайловских памятников (табл. 1–2). Две из трех поздних дат получены по образцам из сгоревших перекрытий в одном из жилищ, третья дата из этого же жилища, полученная по разрозненным уголькам с пола, оказалась ранней. Во втором жилище обе даты получены по разрозненным уголькам с пола, но показали два разных интервала. В свете изложенных выше соображений о возрасте польцевских памятников, есть, конечно, соблазн связать ранние даты поселения Желтый Яр с его ранним комплексом, а поздние — с поздним, но никаких реальных оснований для этого нет, так как в ходе полевых исследований тщательно отслеживалось расположение артефактов раннего и позднего облика. Вся эта ситуация типична для памятников дальневосточного палеоме-

талла и объясняет трудности с их датированием и пониманием. Очевидно, что причины ее следует искать в широко распространенной в эту эпоху практике повторного использования котлованов.

Учитывая все сказанное, эворонские памятники пока могут быть датированы только широко в пределах первой половины 1-го тыс. до н. э. Правда, следует иметь в виду, что в соседнем Приморье в бассейне Уссури аналогичные им ольгинские комплексы появляются еще в IV–I вв. до н. э. В связи с этим нужно обратить внимание на один очень важный момент. Предположение о позднем возрасте польцевских памятников прекрасно соотносится и с обликом их инвентаря, и с общей хронологией дальневосточного палеометалла, но в этом случае получается, что они появляются в Приамурье практически одновременно с ольгинскими в Приморье. В свою очередь это серьезно меняет давно устоявшееся в литературе мнение о формировании ольгинской культуры на основе польцевской. Делать на этом фоне обратные предположения, конечно же, не следует, но вот поставить вопрос о возможном общем источнике этих двух культур вполне правомерно.

Возвращаясь к вопросам хронологии, можно отметить, что по материалам урильских и польцевских памятников в палеометалле Приамурья выделяются два этапа, отражающих события, общие для всей дальневосточной зоны (рис. 3, табл. 1).

Один из них можно обозначить как урило-янковский, в целом он соотносится с первой половиной 1-го тыс. до н. э. На этом этапе сначала в IX–VIII вв. до н. э. на Среднем Амуре и в районе слияния Уссури и Амура распространяются комплексы урильской культуры с краснолощеной посудой, формирование которых, возможно, начинается еще в XI в. до н. э.; что происходило в это время на северо-востоке Приамурья — пока не ясно. Как долго существовали урильские комплексы в своем первоначальном виде, не известно, но уже в VIII–IV вв. до н. э. появляются памятники, в которых, с одной стороны, представлен ряд урильских черт, а с другой стороны, гораздо более ярко выражены признаки, получившие развитие в памятниках польцевской культуры. Памятники эти сосредоточены либо в районе слияния Уссури и Амура, либо на северо-востоке амурской долины; как развивались в это время события в более западных районах Среднего Амура, сохранялись ли там урильские комплексы или уже появились польцевские, мы достоверно не знаем. Хронологически и содержательно амурским памятникам этого этапа соответствуют памятники янковской культуры Приморья и ее континентального варианта, с периодизационной точки зрения все они соотносимы с представлениями о раннем железном веке.

Второй этап можно обозначить как польцевско-ольгинский, он связан с последней третью 1-го тыс. до н. э. — первыми веками нашей эры. Памятники этого этапа сосредоточены главным образом в районе слияния Уссури и Амура, известны они южнее на берегах Уссури, а также в Зейско-Буреинском междуречье. К сожалению, те из них, что имеют датировки, отражают события рубежа эр или самого начала новой эры, ранние комплексы данного этапа нам практически не известны. Возможно, к ним должны быть отнесены памятники Польце-1, Амурский Санаторий и Желтый Яр. Аналогичные процессы происходили и в Приморье, где в это время появились и широко расселились практически по всей территории носители ольгинской культуры, самостоятель-

ной, но близкой по облику и уровню развития к польцевской. Этот этап, безусловно, отражает уже более высокий уровень развития населения и может быть обозначен как развитый железный век.

По-видимому, в конце данного этапа представители ольгинской культуры стали появляться и в долине Амура, о чем свидетельствуют комплексы зворонского типа, особенно схожие с приморскими на северо-востоке Приамурья. Возможно, здесь они имеют более ранний возраст и синхронны памятникам польцевской культуры на территории Среднеамурской низменности. Усиливающееся воздействие на Приамурье южных культур в конечном счете привело к угасанию культур урило-польцевского круга. Скорее всего это происходит на рубеже III–IV в. Эти события отражают поздние жилища поселения Желтый Яр (Яншина 2010), а также синкретичные польцевско-мохэские комплексы (Медведев 2009), вслед за которыми в Приамурье наступает эпоха мохэской и михайловской культуры раннего Средневековья.

Характеризуя процессы освоения металла в Приамурье, нельзя не отметить, что на всем протяжении этой эпохи здесь отчетливо просматриваются различия между его западными и восточными районами, а точнее, между районами, пригодными для занятий земледелием, и районами, малопригодными для этого. Естественно возникают вопросы, чем обусловлены эти различия, только ли хозяйственными приоритетами населения? В действительности это важный вопрос, касающийся и происхождения культур урило-польцевского круга, и характера их взаимоотношений.

Анализ имеющихся материалов показывает, что на северо-востоке амурской долины события развивались по собственному сценарию, отражением чего является формирование здесь коппинских, соргольских, большебухтинских комплексов, а в раннем Средневековье — многочисленных комплексов охотского типа, не известных в более западных областях. Конечно, развитие здесь не могло быть полностью изолированным, но все-таки в этнокультурном отношении это был уже существенно обособившийся регион, и начало этому процессу, видимо, было положено еще в позднем неолите.

При общем взгляде создается впечатление, что процессы освоения металла были связаны в бассейне Амура с интеграцией или тесным взаимодействием развитых земледельческих культур, сложившихся в более благоприятных для занятий земледелием областях, и местных культур, сохранявших в конце неолита ориентацию на присваивающие отрасли хозяйства и предпочитавших горно-таежные районы северо-восточного Приамурья. Однако такому предположению мешает всеобщая убежденность в культурном единстве всех памятников с урило-польцевским обликом инвентарных комплексов. Если следовать ей, то логичнее всего полагать, что носители земледельческих традиций урильской и польцевской культур, осваивая пригодные для земледелия территории Приамурья, постепенно продвигались на восток, где и происходило их слияние с местным населением. Отражением этого процесса можно было бы признать памятники какорминского типа. Однако отсутствие ясности с хронологией польцевских комплексов затрудняет принятие данного предположения, так как вывод об их позднем возрасте с ним вообще никак не согласуется.

Таким образом, подводя некоторые итоги, можно отметить, что сегодня наибольшее значение для разработки всей урило-польцевской проблематики приобретают два основных вопроса. Во-первых, это возраст памятников польцевского типа, под которыми правильнее всего понимать пока комплексы типа поселений Польце-1, Амурский Санаторий и Желтый Яр (н/к). Во-вторых, это соотношение памятников центрально-урильской и какорминской групп. Вполне вероятно, что они представляют собой единый культурный субстрат, который полностью не сводим ни к западно-урильскому, ни к польцевскому, и с которым, судя по количеству памятников, были связаны основные события эпохи палеометалла в Нижнем Приамурье. Соотношение этих памятников с польцевской культурой составляет, пожалуй, главную интригу: являются ли они той основой, на которой она формировалась, или отражают культуру населения, взаимодействующего с ней.

Есть еще один очень важный и интересный аспект в исследованиях, посвященных памятникам урило-польцевского круга. Дело в том, что они представляют собой на археологической карте Приамурья ту точку, до которой сегодня могут прийти специалисты в поисках истоков коренных амурских народов, относящихся, как известно, в большинстве своем к тунгусо-маньчжурской группе. В этой связи интерес к проблемам **происхождения урильской и польцевской культур** чрезвычайно актуален. Впервые этот вопрос был поднят в трудах А. П. Окладникова и А. П. Деревянко. Обнаружение в материалах Амурского Санатория глиняных моделек щитка для защиты пальца при стрельбе из лука и колыбельки тунгусо-маньчжурского типа и позволило А. П. Окладникову выдвинуть предположение о тунгусской принадлежности польцевской культуры и ее пришлом характере (1968), тогда как обстоятельный анализ материалов польцевских и урильских памятников привел А. П. Деревянко к обратному выводу об их местной палеоазиатской основе (1976). Эти наблюдения до сих пор играют очень большую роль в этногенетических исследованиях, и вполне понятно, что выводы А. П. Окладникова вызывают наибольший интерес, поскольку многие другие материалы также свидетельствуют о том, что тунгусский (или тунгусо-маньчжурский) субстрат не был изначальным на территории Дальнего Востока.

Сегодня вопрос о происхождении урильской и польцевской культур выглядит не менее загадочным, чем ранее. С одной стороны, их облик резко отличается от всего того, что было характерно для Амура до их появления, следы предшествующей вознесеновской культуры в них не угадываются совсем, а те неолитоидные черты, которые все-таки проглядывают, либо не имеют привязки к конкретным культурам и территориям, либо, напротив, указывают на их южные или юго-западные истоки. С другой стороны, очевидно, что на сопредельных с Приамурьем территориях археологические комплексы, которые можно было бы принять за остатки культуры, продвинувшейся в бассейн Амура, до сих пор не найдены. Памятники, похожие на польцевскую культуру, известны на севере Маньчжурии, но датируются они уже последними веками прошлой эры (Хон Хён У 2008), как и большинство амурских. Таким образом, истоки урильской и польцевской культур остаются совершенно неясными.

В плане поиска таких истоков представляют интерес следующие наблюдения.

Во-первых, в комплексах палеометалла Приамурья практически не отмечается влияние раннекочевых культур, в отличие, например, от Южной Маньчжурии, где в это время широко распространялись так называемые «северные» бронзы, или Кореи с Приморьем, где делали их каменные имитации. Кроме того, облик керамической посуды амурских памятников, ее богатая орнаментация также плохо соотносится с преимущественно гладкостенной посудой южно-маньчжурских комплексов. В то же время земледельческая направленность хозяйства, развитое свиноводство, характер жилищ, некоторые элементы орнаментальной традиции явно указывают на общеманьчжурский круг соответствий. Это позволяет думать, что формирование урило-польцевских традиций могло происходить только на самом севере Маньчжурии, в долинах Неньцзяна и Сунгари, Саньцзяне, где влияние южно-маньчжурских культур традиционно было весьма ограниченным.

Во-вторых, одной из наиболее ярких и специфических характеристик керамической посуды урило-польцевских комплексов является широкое использование в орнаменте мотива волны, что позволяет проводить очень интересные аналогии. Волна, как и криволинейность орнамента в целом, воспринимается исследователями как исключительно южный элемент, ее можно встретить в культурах Юго-Восточной Азии и Японии, глубокую укорененность имеет она и в дальневосточном неолите, при этом она отсутствует в Китае, Корее и Маньчжурии, т. е. в регионах, которые потенциально могли оказывать влияние на формирование польцевского орнаментального комплекса. При этом следует понимать, что в палеометалле орнамент на керамической посуде представлял собой уже вполне сложившееся явление, и «новое» здесь было связано либо с заимствованиями, либо с переработкой уже имеющихся в «запасниках культуры» решений.

Самые первые образцы использования мотива волны в орнаменте мы наблюдаем еще в памятниках руднинско-кондонского круга — на посуде, украшенной чередующимися волнистыми и прямыми горизонтальными валиками (Андреева и др. 1991; Мыльникова 1999; Батаршев 2009). По некоторым представлениям, не лишены основания, истоки данной орнаментальной традиции лежат в новопетровской культуре Среднего Амура и в культуре ананси, распространенной на соседних с ним территориях Маньчжурской равнины (Батаршев и др. 2010: 143). Не менее интересно и то, что близкая традиция была распространена в чуть более раннее время на Японском архипелаге в памятниках начального дзёмона.

На следующем этапе неолита этот орнаментальный мотив сохраняется в бойсманско-малышевской орнаментике, хотя техника исполнения его меняется. Более всего он характерен для бойсманской культуры Приморья, в происхождении которой определенную роль сыграли опять же культуры новопетровская и ананси (Морева 2004; Батаршев и др. 2010). С помощью мотива волны оформлялись приустьевые участки емкостей, он служил «вставкой» в горизонтально-поясковых композициях, а также использовался для ограничения орнаментального поля снизу. В малышевской культуре Приамурья данный мотив использовался реже. Наибольшее распространение здесь получил его инвариант — волнистый валик вдоль устья, но на западе малышевского ареала волнообразные узоры, близкие композиционно к бойсманским, были распространены и на тулове сосудов (Медведев 2007; Филатова 2008).

В позднем неолите в эпоху распространения южно-маньчжурского земледельческого комплекса данная традиция исчезает, чтобы затем спустя тысячелетия вспыхнуть с новой силой. Мотив волны широко распространяется в конце 1-го тыс. в культуре яёй Японских островов (Деревянко 1973; Лаптев 2007; Imamura 1996), в польцевской культуре Приамурья, а также далее на запад в культуре хунну (Коновалов 1976; Давыдова 1985). Причем во всех трех случаях прослеживаются и композиционные совпадения, а на соседних территориях они вообще отсутствуют. В свое время сходство польцевской и яёйской керамики подробно рассматривалось А. П. Деревянко (1973). Каким бы мистическим оно не казалось при отсутствии аналогичных материалов на соединяющих их территориях Сахалина-Хоккайдо, Приморья и Кореи, оно тем не менее есть и должно иметь объяснение, даже в случае конвергенции.

А. П. Деревянко считал его результатом продвижения польцевского населения на юг к побережью Японского моря. Но сейчас понятно, что это вряд ли могло быть так. Ольгинские орнаменты отличаются от польцевских отсутствием как раз тех самых элементов, которые объединяют последние с яёйской орнаментикой. Показательно, что истоки керамики эпохи яёй другими исследователями видятся в культурах Юго-Восточной Азии, считается, что они могли проникнуть на острова Японского архипелага вместе с рисоводством (Лаптев 2007: 33–73). Вопрос таким образом остается открытым.

Еще одной реминисценцией ранних этапов неолита в памятниках урило-польцевского круга можно считать керамические скребки. Присутствие их отличало памятники руднинско-кондонского круга, а в памятниках вознесенско-зайсановского горизонта они отсутствуют. Вновь появившись на Амуре в эпоху палеометалла, а в Приморье вместе с носителями ольгинской культуры, эти изделия уже сохраняются здесь вплоть до эпохи Средневековья (Лещенко 1988). Обращает на себя внимание и гребенчатая техника тиснения орнаментов на польцевской посуде. Она была визитной карточкой памятников бойсманско-малышевского круга, к тому же здесь, как и у польцевцев, царило горизонтально-поясковое построение орнамента, но в позднем неолите все это оказалось полностью вытесненным из практики дальневосточного гончарства. Та же судьба постигла и еще один общий для польцевцев и малышевцев орнаментальный прием — папиллярные и ногтевые оттиски (см., напр., Деревянко и др. 2002: рис. 20: 1; 46: 3; 56: 9–10; 71; 108: 2).

По-видимому, все эти наблюдения можно считать свидетельством того, что в материалах польцевской культуры мы видим отголоски самого древнего культурного субстрата южно-дальневосточного региона, на что в свое время указывал и А. П. Деревянко, называя польцевское население палеоазиатским (1976). Этому вполне соответствует и тот факт, что формирование урило-польцевских комплексов осуществлялось на территориях, где влияние южно-маньчжурских земледельцев было выражено слабее всего, а значит могли сложиться и условия, благоприятные для сохранения здесь традиций аборигенного населения новопетровско-малышевско-бойсманского круга. В этой связи крайне интересным выглядит сохранение на Среднем Амуре вплоть до конца неолита новопетровской керамической традиции, на что указывают памятники осино-озерской культуры (Окладников, Деревянко 1973б; История Амурской...: 34–38; Алкин 2011).

В-третьих, специфику амурского палеометалла составляют также сосуды «таежного» стиля, в которых сочетается технический декор с орнаментацией налепными валиками. Некоторые элементы этого стиля (валики вдоль устья и в основании горловины) можно увидеть на севере Приморья, но в целом эта черта не свойственна южно-маньчжурским культурам. Сосуды данного типа уводят исследователей в совершенно ином направлении — в Восточное Забайкалье и Якутию. Здесь же должны быть упомянуты и бронзовые изделия, найденные в Приамурье, ближайшие аналогии которым можно найти не на юге, а в материалах восточно-забайкальских и отчасти якутских памятников. Именно это направление связей в свое время позволило А. П. Окладникову высказать гипотезу о тунгусской принадлежности амурских культур раннего железного века (1968). К сожалению, до сих пор как-то развить и дополнить предположения исследователя, сузить район поиска не получается. В то же время хотелось бы подчеркнуть, что «таежная» стилистика является практически единственной трансамурской константой эпохи палеометалла и со временем ее присутствие в комплексах только нарастает и расширяется, при этом она не имеет никаких корней в культурах дальневосточного неолита.

Интересно, что в сходных условиях, т. е. на контакте земледельческого и, по-видимому, таежного культурных субстратов, формировалась и культура хунну Забайкалья. Возможно этим объясняется ряд соответствий в хуннском и польцевском гончарстве. В частности, их объединяет уже упоминавшийся мотив волны, обрамленной прямыми горизонтальными линиями, который является самым специфичным элементом как польцевской, так и хуннской орнаментики. Сближает обе традиции и богатство орнаментации, что для последних веков прошлой эры было уже не вполне обычно. Таежный (или местный забайкальский) компонент в хуннском гончарстве представляют сосуды, оформленные оттисками рифленой колотушки (Дьякова, Коновалов 1988: 21), в польцевском гончарстве сосуды с техническим орнаментом представляют «таежный» стиль, абсолютно чуждый для дальневосточных культур. Дальневосточные аналогии в культуре хунну уже отмечались исследователями (Бродянский 1985; Миняев 1987; Дьякова, Коновалов 1988; Журавлева 1994; Кызласов Л. 1999; Кызласов И. 2008 и др.), наши наблюдения лишь слегка расширяют их круг и углубляют их хронологию.

Не менее интересно и то, что вместе с урильской и польцевской посудой на Дальнем Востоке впервые появляется традиция искусственного пробивания стенок и донышек сосудов. В польцевской культуре известны два способа повреждения сосудов. Первый, это когда одно отверстие достаточно аккуратно пробивалось или просверливалось в центре дна; та же традиция представлена в материалах кроуновской культуры в Приморье, хуннские аналогии которой уже отмечались исследователями. Второй, это когда в тулове сосуда на уровне экватора или чуть ниже пробивались или просверливались отверстия, равномерно распределенные вдоль окружности (см., напр., Бочкарева и др. 2006: табл. 7–8). Подобная черта также фиксируется в керамическом комплексе хунну Забайкалья (Дьякова, Коновалов 1988: 27), впрочем в это время она распространяется по дальневосточному региону очень широко, включая территории Кореи и Японии. Об общности некоторых представлений дальневосточного и хуннского населения может свидетельствовать традиция изготовления миниатюрных копий керамических сосудов (Деревянко 1976; Гребенщиков, Деревянко 2001; Журав-

лева 1994), в хуннуской историографии такие сосудики считаются ритуальными. Известны они и в средневековых комплексах Дальнего Востока (Дьякова, Шавкунов 2009). Обратим также внимание на присутствие в материалах Польцевского поселения керамики, отощенной растительной примесью, подобная технология — черта, типичная для керамики хунну (Дьякова, Коновалов 1988) и вообще для археологических памятников Восточного Забайкалья.

Таким образом, все перечисленные наблюдения ведут нас так или иначе на север Маньчжурии, где, по-видимому, и сложилось своеобразие урильских и польцевских комплексов. Кто были люди, обитавшие на этой территории, решить трудно, но однозначно можно утверждать, что это было местное население, с одной стороны, глубокими корнями уходящее в самые ранние этапы истории дальневосточного региона, а с другой стороны, к началу эпохи палеометалла уже достаточно сильно обособившееся в культурном отношении от коренных обитателей северо-восточного Приамурья. Пришлый «таежный» компонент также принял участие в сложении новых культур, но пока локализовать его истоки и связать их с какими-то конкретными археологическими памятниками не получается.

Благодарности

Хотелось бы поблагодарить А. П. Дервянко, С. П. Нестерова, И. Я. Шевкомуда, В. А. Дерюгина, З. С. Лапшину, С. Ф. Косицину и Е. А. Бочкареву за любезно предоставленную возможность работать с коллекциями археологических памятников эпохи палеометалла Приамурья, а также за полезные дискуссии и консультации по теме.

Литература

- Алкин С. В. 2007. Древние культуры Северо-Восточного Китая: Неолит Южной Маньчжурии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
- Алкин С. В. 2011. Современное состояние изучения осиноозерской неолитической культуры Среднего Приамурья // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск: Изд-во Уссурийского пед. ун-та, 188–198.
- Андреева Ж. В. 1977. Приморье в эпоху первобытнообщинного строя. Железный век. М.: Наука.
- Андреева Ж. В., Жущиховская И. С., Кононенко Н. А. 1986. Янковская культура. М.: Наука.
- Андреева Ж. В., Жущиховская И. С., Кононенко Н. А. и др. 1991. Неолит юга Дальнего Востока: Древнее поселение в пещере Чертовы Ворота. М.: Наука.
- Асеев И. В. 2003. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
- Батаршев С. В. 2009. Руднинская археологическая культура в Приморье. Владивосток: ООО «Рея».
- Батаршев С. В., Дорофеева Н. А., Морева О. Л. 2010. Пластинчатые комплексы в неолите Приморья (генезис, хронология, культурная интерпретация) // Ключев Н. А., Вострецов Ю. Е. (ред.). Приоткрывая завесу тысячелетий: К 80-летию Ж. В. Андреевой. Владивосток: ООО «Рея», 102–156.
- Болотин Д. П. 2005. Михайловская культура и ее происхождение // Андреева Ж. В. (ред.). Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 409–418.

- Болотин Д. П., Сапунов Б. С., Зайцев Н. Н. 1997. Новые памятники раннего железного века на Верхнем Амуре // Деревянко А. П., Молодин В. И. (ред.). Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы V годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Т. 3. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 155–159.
- Бочкарева Е. А., Косицина С. Ф., Шевкомуд И. Я. 2006. Нижнетамобовский могильник — первые исследования // Гончарова С. В. (ред.). Пятые Гродековские чтения: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. «Амур — дорога тысячелетий». Ч. 1. Хабаровск: ХКМ, 138–147.
- Бродянский Д. Л. 1985. Кроуновско-хуннские параллели // Коновалов П. Б. (ред.). Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск: Наука, 46–49.
- Васильев Ю. М. 1983. Отчет «Археологические исследования в Смидовичском и Хабаровском районах Хабаровского края в 1983 году» // Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН, Ф.1. Оп. 2. № 196.
- Гарковик А. В., Клюев Н. А. 2002. Эпоха палеометалла Северного Приморья: новые археологические комплексы // Алкин С. В. (ред.). История и культура Востока Азии. Мат-лы междунар. науч. конф. Т. 2. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 74–77.
- Гребенщиков А. В. 1990. Необычные сюжеты в орнаментике традиционного гончарства Приамурья в эпоху раннего железного века // Васильевский Р. С. Семантика древних образов. Новосибирск: Наука, С. 54–79.
- Гребенщиков А. В., Кононенко Н. А., Нестеров С. П. 1988. Сухие протоки-2 — новый тип памятников эпохи раннего железа в бассейне Среднего Амура. Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР.
- Гребенщиков А. В., Деревянко Е. И. 2001. Гончарство древних племен Приамурья (начало эпохи раннего железа). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
- Давыдова А. В. 1985. Иволгинский комплекс. Памятник хунну в Забайкалье. Л.: Изд-во ЛГУ.
- Деревянко А. П. 1969а. Племена Приамурья и Приморья во II–I тыс. до н. э. // Окладников А. П. (ред.). Этногенез народов Северной Азии: мат-лы конф. Вып. 1. Новосибирск: ИШ СО АН СССР, 95–108.
- Деревянко А. П. 1969б. Проблема бронзового века на Дальнем Востоке // Известия СО АН СССР, сер. обществ. наук 2 (6), 94–100.
- Деревянко А. П. 1973. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск: Наука.
- Деревянко А. П. 1976. Приамурье (I тыс. до н. э.). Новосибирск: Наука.
- Деревянко А. П., Глинский С. В. 1972. Поселение раннего железного века у с. Желтый Яр Еврейской автономной области // Деревянко А. П. (ред.). Мат-лы по археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: ИИФФ СО РАН, 145–207.
- Деревянко А. П., Чо Ю-Чжон, Медведев В. Е., Юн Кын-Ил, Хон Хён-У, Чжун Сук-Бэ, Краминцев В. А., Медведева О. С., Филатова И. В. 2002. Исследования на острове Сучу в Нижнем Приамурье в 2001 г. Т. 1. Сеул: Государственный исследовательский институт культурного наследия Республики Корея.
- Дерюгин В. А. 1998. Предварительные результаты исследования грунтового могильника Быстрая-2 // Крадин Н. Н. (ред.). Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии / Владивосток: ИИАЭНДВ ДВО РАН, 85–91.
- Дерюгин В. А. 2009а. Проблемы классификации, периодизации керамики эпохи палеометалла Северо-Восточного Приамурья // Шевкомуд И. Я. (ред.). Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии Хабаровск: ХКМ, 47–73.
- Дерюгин В. А. 2009б. Результаты раскопок на поселении Малмыж-1 в 1992–1993 г. // Шевкомуд И. Я. (ред.). Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии. Хабаровск: ХКМ, 165–171.

- Дерюгин В. А., Денекко А. Б., Роганов Г. В., Косицына С. Ф. 2003. Раскопки на поселении Аэропорт в устье Амура // Дерюгин В. А. (ред.). Амуро-охотский регион в эпоху палеометалла и средневековья. Хабаровск: ХКМ, 111–144.
- Дьякова О. В., Коновалов П. Б. 1988. Хуннские традиции в средневековом гончарстве Дальнего Востока // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века. Владивосток: ИИАЭНДВ ДВО РАН, 16–32.
- Дьякова О. В., Шавкунов В. Э. 2009. Миниатюрные сосуды Смольнинского городища // Россия и АТР (3), 177–180.
- Журавлева А. Д. 1994. Соотношение керамических комплексов сюнну и культур юга Дальнего Востока (I тыс. до н. э.) // Худяков Ю. С. (ред.). Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н. э. Кемерово: Кузбассвуиздат, 10–27.
- История Амурской области с древнейших времен до начала 20 в. / Деревянко А. П., Забияко А. П. (ред.). 2008. Благовещенск: ОАО «Зея».
- Клюев Н. А. 1993. Археология первобытного общества Приморья и Приамурья: Историкографический и библиографический обзор (1861–1991). Владивосток: Дальнаука.
- Коломиец С. А. 2001. Период развитого железа в Приморье (в контексте польцевской культурной общности). Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.
- Коновалов П. Б. 1976. Хунну Забайкалья. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство.
- Конькова Л. В. 1989. Бронзолитейное производство на юге Дальнего Востока СССР. Рубеж II–I тыс. до н. э. — XIII в. н. э. Л.: Наука.
- Конькова Л. В. 1996. Первые бронзы на Дальнем Востоке // Бродянский Д. Л. (ред.). Освоение северной пацифики. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 61–77.
- Копытько В. Н. 1988. Петропавловка — могильник раннего железного века (польцевская культура) // Новейшие исследования памятников первобытной эпохи на юге Дальнего Востока СССР. Владивосток: ДВО АН СССР, 3–7.
- Копытько В. Н. 2006. Рыбный порт — святилище раннего железного века // Гончарова С. В. (ред.). Пятые Гродековские чтения: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. «Амур — дорога тысячелетий». Ч. 1. Хабаровск: ХКМ, 170–177.
- Косицына С. Ф., Шевкомуд И. Я., Мацумото Таку, Горшков М. В., Бочкарева Е. А., Учида Кадзунори. 2006. Поселение Нижнетамбовское-2 — новый памятник урильской культуры // Гончарова С. В. (ред.). Пятые Гродековские чтения: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. «Амур — дорога тысячелетий». Ч. 1. Хабаровск: ХКМ, 178–184.
- Краминцев В. А. 1996. Литая сталь польцевского поселения // Деревянко А. П., Молодин В. И. (ред.). Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Мат-лы IV Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 125–128.
- Краминцев В. А. 2002а. Васильевское городище // Крадин Н. Н. (ред.). Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток: ИИАЭНДВ ДВО РАН, 130–139.
- Краминцев В. А. 2002б. Поселение и городище Васильевка-3 — новые памятники польцевского времени в Бикинском районе Хабаровского края // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 3. Благовещенск: Изд-во Амурского ун-та, 82–89.
- Крупянюк А. А., Яншина О. В. 2002. Поселение Суворово 6 и его место в археологии Приморья // Крадин Н. Н. (ред.). Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток: ДВО РАН, 57–74.

- Кызласов Л. Р. 1999. Города гуннов // Мелюкова А. И., Мошкова М. Г., Башилов В. А. (ред.). Евразийские древности: 100 лет Б. Н. Гракову (архивные материалы, публикации, статьи). М.: ИА РАН, 195–205.
- Кызласов И. Л. 2008. Археологический взгляд на алтайскую проблему // Дьякова О. В., Сидоренко Е. В., Шавкунов Э. В. (ред.). Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня. Владивосток: Дальнаука, 71–86.
- Лаптев С. В. 2007. Очерки по археологии и истории Японии. М.: Изд-во Московского ун-та леса.
- Лещенко Н. В. 1988. Выделка шкур и обработка кож у чжурчженей в XII — начале XIII вв. (в свете этнографических параллелей) // Ленков В. Д. и др. (ред.). Матлы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века. Владивосток: ИИАЭ ДВО СССР, 93–99.
- Лынша В. А. 2002. Неолит и палеометалл иманской долины в свете новейших раскопок // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 3. Благовещенск: Изд-во Амурского ун-та, 38–40.
- Малявин А. В., Краминцев В. А. 2008. Укрепленное поселение раннего железного века Венюково-1 (Забайкальское-1) // Деревянко А. П., Медведев В. Е. (ред.). Окно в неведомый мир: Сб. ст. к 100-летию А. П. Окладникова. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 211–217.
- Медведев В. Е. 2003. Академик А. П. Окладников и неолит Нижнего Приамурья: развитие идей // Деревянко А. П. (ред.). Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 164–171.
- Медведев В. Е. 2007. Общее и особенное в неолите юго-западной и северо-восточной частей Нижнего Приамурья // Медведев Г. И. (ред.). Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Т. 1. Иркутск: Оттиск, 419–424.
- Медведев В. Е. 2009. Двухслойный памятник Амурзет и некоторые вопросы археологии Приамурья // Шевкомуд И. Я. (ред.). Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей Востока Азии. Хабаровск: ХКМ, 199–228.
- Миняев С. С. 1987. Происхождение сюнну: современное состояние проблемы // Проблемы археологии Степной Евразии. Тез. докл. Ч. 2. Кемерово, 142–145.
- Морева О. Л. 2004. Керамика бойсманской культуры (по материалам памятника Бойсмана-2). Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.
- Мыльникова Л. Н. 1999. Гончарство неолитических племен Нижнего Амура (по материалам поселения Кондон-почти). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
- Мыльникова Л. Н., Нестеров С. П. 2005. Михайловская культура в Западном Приамурье // Андреева Ж. В. (ред.). Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 394–408.
- Нестеров С. П., Гребенщиков А. В., Алкин С. В. и др. 2000. Древности Буреи. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
- Нестеров С. П., Дураков И. А., Шеломихин О. А. 2008. Ранний комплекс урильской культуры с Букинского ключа на р. Бурее // АЭАЕ 4, 32–52.
- Окладников А. П. 1963. Археологические раскопки в районе Хабаровска // Вопросы географии Дальнего Востока 6, 255–281.
- Окладников А. П. 1964. Советский Дальний Восток в свете новейших исследований археологии // ВИ 1, 44–57.
- Окладников А. П. 1968. Тунгусо-маньчжурская проблема и археология // История СССР 6, 25–42.

- Окладников А. П., Диков Н. Н., Козырева Р. В. 1968. Дальний Восток в эпоху бронзы // Окладников А. П. (ред.). История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Л.: Наука, 218–223.
- Окладников А. П., Деревянко А. П. 1970. Польце — поселение раннего железного века в бассейне Амура // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. Вып. 1. Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР.
- Окладников А. П., Деревянко А. П. 1971. Приамурье и Приморье во II тыс. до н. э. // Окладников А. П. (ред.). Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Ч. 1. Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 3–29.
- Окладников А. П., Деревянко А. П. 1973а. Древнейшее прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство.
- Окладников А. П., Деревянко А. П. 1973б. Осиноозерская культура на Среднем Амуре // Материалы по истории Дальнего Востока (история, археология, этнография, филология). Владивосток: ИИАЭ ДВНЦ АН СССР, 33–42.
- Поляков О. В. 1993. Археология Приамурья: палеолит, ранний железный век. Историко-географические заметки. Хабаровск: Приамурское географическое общество.
- Тимофеев Е. И. 1959. Отчет об археологической экспедиции 1959 г. Хабаровского пединститута. Архив ИА РАН. Ф. 1. № 1983.
- Филатова И. В. 2008. Орнаментальные традиции нижнеамурского неолита. Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.
- Фукуда Масахиро, Шевкомуд И. Я., Кэн Такахаси, Косицина С. Ф., Горшков М. В., Кацухико Кияма. 2005. Исследование древних культур позднего неолита — палеометалла в Нижнем Приамурье: Отчет об археологических раскопках многослойного памятника Голый мыс-1. Токоро: Исследовательская лаборатория Токийского университета.
- Хон Хён У. 2008. Керамика польцевской культуры на востоке Азии (V в. до н. э. — IV в. н. э.). Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.
- Шевкомуд И. Я. 2002. Поселение Большая Бухта-1 и некоторые проблемы культур Нижнего Амура и Сахалина // Записки Гродековского музея. Вып. 3. Хабаровск: ХКМ, 37–52.
- Шевкомуд И. Я. 2003. Палеометалл северо-востока Нижнего Приамурья (поселение Голый мыс-5) // Дерюгин В. А. (ред.). Амуро-охотский регион в эпоху палеометалла и средневековья. Хабаровск: ХКМ, 7–36.
- Шевкомуд И. Я. 2004. Поздний неолит Нижнего Амура. Владивосток: ДВО РАН.
- Шевкомуд И. Я. 2008а. Коппинская культура и проблема перехода от неолита к палеометаллу в Нижнем Приамурье // Бродянский Д. Л. (ред.). Столетие Великого АПЭ: к юбилею академика Алексея Павловича Окладникова. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 157–181.
- Шевкомуд И. Я., Горшков М. В., Ямада М., Учида К., Мацумото Т., Косицина С. Ф. 2006. Предварительные результаты исследования поселения Новотроицкое-12 — мастерской сердоликовых наконечников (Нижний Амур) // Гончарова С. В. (ред.). Пятые Гродековские чтения: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. «Амур — дорога тысячелетий». Ч. 1. Хабаровск: ХКМ, 133–138.
- Шевкомуд И. Я., Бочкарева Е. А., Косицина С. Ф. 2007. Исследования Нижнетамбовского могильника (о погребении воина с мечом) // Медведев Г. И. (ред.). Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Т. 2. Иркутск: Отгиск, 301–306.
- Шевкомуд И. Я., Кузьмин Я. В. 2009. Хронология каменного века Нижнего Приамурья (Дальний Восток России) // Шевкомуд И. Я. (ред.). Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии. Хабаровск: ХКМ, 7–46.

- Шевкомуд И. Я., Яншина О. В. 2012. Начало неолита в Приамурье: поселение Гончарка-1. СПб.: МАЭ РАН.
- Яншина О. В. 2004. Проблема выделения бронзового века в Приморье. СПб.: МАЭ РАН.
- Яншина О. В. 2006. Памятники раннего железного века в археологическом собрании МАЭ РАН // Хлопачев Г. А. (ред.). Свод археологических источников Кунсткамеры. Вып. 1. СПб.: МАЭ РАН, 189–265.
- Яншина О. В. 2010. Поселение Желтый Яр: к проблеме соотношения польцевских и ольгинских памятников // Клюев Н. А., Вострецов Ю. Е. (ред.). Приоткрывая завесу тысячелетий: к 80-летию Жанны Васильевны Андреевой. Владивосток: ООО «Рея», 259–272.
- Яншина О. В., Клюев Н. А. 2005. Поздний неолит и ранний палеометалл Приморья: критерии выделения и характеристика археологических комплексов // Андреева Ж. В. (ред.). Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 187–234.
- Imamura, K. 1996. Prehistoric Japan: New perspectives on insular East Asia. London: USL Press.
- Nelson S. M. 1993. The Archaeology of Korea. London: Cambridge University Press.
- Nelson S. M. (ed.). 1995. The Archaeology of Northeast China: Beyond the Great Wall. New-York & London: Routledge.
- Pearson R. J., Barnes G. L., Hutterer K. L. (eds.). 1986. Windows on the Japanese Past: Studies in Archaeology and Prehistory. Ann Arbor: University of Michigan.
- Pigott W. (ed.). 1999. The Archaeometallurgy of the Asian Old World. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology.
- Usuki I. 1995. The Ol'ga culture in the maritime region // Material Culture 58 (2), 20–31 (in Jp.).

Фукуда М.

**Хронология памятников эпохи палеометалла
на северо-востоке Нижнего Амура
(комментарий к статье О. В. Яншиной)**

Многое было написано о динамичной истории культурных отношений в Северо-Восточной Азии в 1 тыс. до н. э. Одна из задач комментируемой статьи — показать последовательность и соотношение археологических культур в бассейне Нижнего и Среднего Амура этой эпохи и уточнить их конкретные типологические характеристики. Такая постановка вопроса очень актуальна для текущего состояния исследований в данной области археологии, в том числе и с точки зрения развития и расширения дискуссии между учеными России, Китая, Японии и Кореи. Для японских археологов эта тема важна тем, что она иллюстрирует взаимодействие между материком и севером Японского архипелага (Фукуда 2007).